

ТВОРЧЕСТВО
И РАЗВИТИЕ
ОБЩЕСТВА
В XXI ВЕКЕ

взгляд науки,
философии
и богословия

ФОНД
АПОСТОЛА АНДРЕЯ
ПЕРВОЗВАННОГО

Редакция журнала Наука и Жизнь

Сборник статей

**Творчество и развитие общества
в XXI веке: взгляд науки,
философии и богословия**

«Алетейя»

2017

УДК 008
ББК 71.0

Сборник статей

Творчество и развитие общества в XXI веке: взгляд науки, философии и богословия / Сборник статей — «Алетейя», 2017 — (Редакция журнала Наука и Жизнь)

ISBN 978-5-906860-82-8

В условиях сложной геополитической ситуации, в которой сегодня находится Россия, активизация собственного созидательного творчества в самых разных областях становится одной из приоритетных задач страны. Творческая деятельность отдельного гражданина и всего общества может выражаться в выработке национального мировоззрения, в создании оригинальных социально-экономических моделей, в научных открытиях, разработке прорывных технологий, в познании законов природы и общества, в искусстве, в преображении человеком самого себя в соответствии с выбранным идеалом и т. п. Авторы данного сборника исходят из того, что источник созидательной энергии личности и социума заложен в живой связи с национальной культурой и духовной традицией, которые обуславливают цели, задачи и результаты творческой деятельности. Для специалистов и широкого круга читателей.

УДК 008

ББК 71.0

ISBN 978-5-906860-82-8

© Сборник статей, 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Предисловие	7
От редакции	8
Глобальные вызовы XXI века и развитие интеллектуального потенциала России	10
Вызовы XXI века и стратегические приоритеты использования интеллектуального потенциала России	10
Современный мир и актуальные проблемы глобальной безопасности	10
Структура современных угроз для глобальной безопасности	11
Фактор времени в решении проблем глобальной безопасности	12
Интеллектуальный потенциал общества в решении проблем глобальной безопасности	12
Проблема использования интеллектуального потенциала России	14
Онтология человеческой деструктивности и проблема творчества	14
Заключение	16
Литература	17
Государственная идеология и суверенность: творчество и объективация, конфессионально-цивилизационное измерение	19
Где проходит грань между коллективным творчеством и промыванием мозгов	19
Политические идеологии и творчество масс	21
Имена теорий, взятых на прокат...	23
Неприятие идеологий	25
«Споры идеологии»: возможности индоктринации	27
Война идеологий или столкновение цивилизаций?	28
Идеология и конституция	29
«Когнитивное оружие» как инструмент подавления национального творческого потенциала	32
Постановка проблемы	32
Войны нового типа и эволюция технологий поражения государственного суверенитета	33
Навязываемые образы: «правильная элита» и «неправильный народ»	34
Необходимость возрождения национальной науки	36
Западническая идеология в науке и образовании	36
Научные теории как инструмент идеологического прикрытия периода холодной войны	42
Теория постиндустриального общества	44
Проектирование будущего сегодня	45
Механизмы «информационной раскрутки»	47
Инструменты научных брендов и научных табу	47

Научные гранты и стажировки в контексте геополитической борьбы государств	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

НАУКА
ФИЛОСОФИЯ
РЕЛИГИЯ

Творчество и развитие общества в XXI веке: взгляд науки, философии и богословия: Сборник статей

Редакционная коллегия серии:

В. Э. Багдасарян, А. Б. Ефимов, К. К. Колин, В. И. Немыченков, А. И. Осипов, А. Н. Павленко, А. В. Паршинцев, В. Н. Первушин, И. А. Савкин, Ю. Ю. Черный

Главный редактор:

А. В. Паршинцев

Ответственный редактор:

В. И. Немыченков

Все интеллектуальные права на книжную серию «Наука. Философия. Религия», а также на данное издание принадлежат Международному общественному фонду содействия духовно-нравственному возрождению современного общества «Фонд апостола Андрея Первозванного» (Фонд Андрея Первозванного), который предоставляет издательству «Алетейя» право его коммерческого использования.

Предисловие

Настоящее издание посвящено осмыслению такого многогранного феномена, как творчество, и его значения для развития общества. Выход в свет этой книги – уникальное событие в научной и общественной жизни, поскольку она является ярким примером плодотворного диалога и сотрудничества философов, богословов, представителей естественных наук.

Творчество – одно из тех понятий, которые характеризуют человека как такового и без которого невозможно понять его природу. Творческая деятельность может выражаться в создании оригинальных социально-экономических моделей, выработке мировоззренческих оснований, прорывных технологий, в познании законов природы и общества, в научных открытиях, в искусстве. В широком смысле слова творчество, понимаемое как способность к созданию принципиально нового, охватывает самые разные формы деятельности, направленной на преобразование человеком окружающего мира и самого себя.

Исследование глубинных предпосылок, объясняющих сущность творчества, помимо своей притягательности для представителей разных дисциплин, может содержать в себе ключ к постижению многих явлений, формирующих облик современного мира, поэтому особый интерес вызывает обращение ряда авторов сборника к феномену творческой деятельности человека в контексте злободневных социальных, экономических, политических и культурных тенденций. Кроме того, во многих статьях поднимается один из вечных вопросов, который сегодня звучит особенно остро: как соотносится реализация творческих способностей отдельного человека с общепринятыми нравственными ценностями.

Нельзя не отметить, что содержание сборника актуально и в свете процессов, протекающих в российском обществе и накладывающих отпечаток на его самосознание. Вопросы сохранения и преемственного развития цивилизационной идентичности России, ценностного самоопределения личности, сбережения духовного и культурного наследия, усвоения уроков драматических и порой трагических событий исторического прошлого также освещаются на страницах сборника и одновременно требуют мобилизации интеллектуальной и творческой энергии от каждого гражданина нашей страны.

Хочется верить, что данное издание найдет своего заинтересованного читателя, поможет ему получить ответы на многие вопросы и, возможно, вдохновит к дальнейшему исследованию тем, представленных на его страницах.

В. И. ЯКУНИН,

доктор политических наук,

Председатель Попечительского совета Фонда апостола Андрея Первозванного

От редакции

Вниманию читателей предлагается сборник научных статей «Творчество и развитие общества в XXI веке: взгляд науки, философии и богословия».

Религия, философия, наука, искусство по-разному понимают природу творчества, его цели и задачи. Однако очевидно, что именно благодаря творчеству происходит преобразование общества и самого человека. Истоки и направление творческой деятельности человека характеризуют общество и уровень его цивилизованности.

Авторы сборника с различных точек зрения рассматривают как фундаментальные вопросы, связанные с осмыслением природы и смысла творчества, так и его прикладные и социальные аспекты: проблемы формирования, развития и использования творческого потенциала современной России, взаимосвязь творчества с мировоззрением и моралью, изменения, происходящие в культуре и искусстве, формирование творческой личности и другие.

Отправной точкой для создания данного сборника стали доклады, прозвучавшие на XVIII ежегодной междисциплинарной конференции «Наука. Философия. Религия», состоявшейся в наукограде Дубна 17–18 ноября 2015 года. Конференция «Наука. Философия. Религия» – это дискуссионная площадка, которая собирает представителей науки, философии, богословия и других гуманитарных дисциплин для обсуждения актуальных проблем современности и поиска путей их решения.

Наряду с работами участников конференции в данное издание включены статьи специалистов, изъявивших желание поделиться с читателями своими мыслями о современных проблемах творческой деятельности человека. Среди авторов сборника представители самых разных областей науки и искусства: физики, экономисты, политологи, историки, психологи, культурологи, философы, богословы, художники, иконописцы, архитекторы, композиторы, писатели.

Сборник состоит из пяти разделов.

В раздел «Глобальные вызовы XXI века и развитие интеллектуального потенциала России» вошёл ряд статей, авторы которых рассматривают стоящие перед нашей страной актуальные задачи, от решения которых зависит конкурентоспособность России как крупного геополитического субъекта. Проблематика раздела охватывает такие темы, как решение проблем гуманитарной безопасности; разработка новых технологий; значение ценностных установок; оценка факторов, влияющих на творческий потенциал российской науки; вопросы развития отечественной научной школы и интеллектуальной традиции.

Раздел «Творчество и интеллектуальная деятельность человека с позиций философии и психологии» содержит статьи, в которых философы и психологи осмысливают природу творчества и его источники, анализируют различные альтернативы творчеству и его подмены.

Авторы раздела «Понимание творчества в православном богословии» на основании христианского вероучения рассматривают такие темы, как цель творчества, свобода и нравственная ответственность человека-творца, личное духовное совершенствование человека и т. п.

Раздел «О проблемах и перспективах художественного творчества» включает в себя статьи о светском и церковном искусстве, их взаимоотношениях в прошлом и настоящем, о происходящих в них трансформациях. Авторы раздела – художники, иконописцы, архитекторы, композиторы – размышляют об трансформациях, происходящих в церковном искусстве: в богослужебном пении, иконописи, архитектуре, о влиянии западного искусства на отечественное и т. п.

В разделе «О творчестве учёных-физиков» представлены статьи о российских учёных, их вкладе в развитие теоретической физики, а также о специфике создания современных физических теорий.

В сборнике представлен широкий спектр мнений о феномене творчества, творческих способностях человека и развитии творческого потенциала российского общества. Материалы сборника будут полезны как специалистам, так и всем читателям, интересующимся представленной проблематикой.

Глобальные вызовы XXI века и развитие интеллектуального потенциала России

Вызовы XXI века и стратегические приоритеты использования интеллектуального потенциала России

К. К. КОЛИН,

главный научный сотрудник Института проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, президент Аналитического центра стратегических исследований «Сокол», заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член РАЕН и Международной академии глобальных исследований, доктор технических наук, профессор

Аннотация

Рассматриваются основные направления и глобальные цели новой стратегии ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой в сентябре 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Показано, что для достижения этих целей необходимо мобилизовать весь интеллектуальный потенциал мирового сообщества. При этом важную роль играет фактор времени, так как комплекс глобальных угроз развитию цивилизации быстро разрастается. В этих условиях проблема использования интеллектуального потенциала России для решения глобальных проблем объективно выдвигается на первый план.

Ключевые слова: глобальные вызовы и угрозы, глобальная безопасность, новая стратегия ООН, устойчивое развитие цивилизации.

Современный мир и актуальные проблемы глобальной безопасности

В последние годы проблемы глобальной безопасности становятся наиболее актуальными и стратегически важными среди других глобальных проблем развития цивилизации в XXI веке. Исследования показывают, что эти проблемы являются комплексными, а их дальнейшее развитие представляет собой реальную опасность для существования человечества как биологического вида [1]. Для противодействия этой опасности необходимы решительные широкомасштабные и согласованные действия всего мирового сообщества, которые должны быть основаны на принципах партнерства цивилизаций.

Именно такой подход и был провозглашен в новой стратегии ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, которая была принята 27 сентября 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [2]. В этом документе сформулированы 17 глобальных целей в области устойчивого развития, которые должны быть достигнуты к 2030 году. При этом определены пять основных направлений практических действий, на которых должны быть сконцентрированы усилия мирового сообщества. Распределение целей по этим направлениям и их краткое содержание представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные направления и глобальные цели стратегии ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года

№ № пп.	Комплексное направление	Глобальные проблемы и цели
1	Люди	Нищета, голод, здоровье, образование, гендерное неравенство
2	Планета	Вода, климат, моря и океаны, экосистемы суши
3	Процветание	Энергоснабжение, экономический рост и занятость, устойчивая индустриализация, безопасные города и селения, устойчивые модели потребления и производства
4	Мир	Строительство мирного общества
5	Партнерство	Глобальное партнерство

Масштабы поставленных в стратегии ООН глобальных целей таковы, что для их достижения необходимо мобилизовать весь интеллектуальный и творческий потенциал человечества, и, прежде всего обеспечить строительство мирного общества и глобальное партнерство различных цивилизаций [3]. При этом необходимо учесть, что в новой стратегии ООН отсутствует целый ряд важных геополитических, информационных и гуманитарных угроз глобальной безопасности, без устранения которых устойчивое развитие цивилизации практически невозможно, и поэтому поставленные цели, вероятнее всего, не будут достигнуты. Обоснование этого вывода сделано в работе [4].

В этих условиях роль интеллектуального потенциала общества в решении проблем обеспечения глобальной безопасности становится определяющей.

Структура современных угроз для глобальной безопасности

В сжатом виде структура наиболее важных угроз для глобальной безопасности представлена в табл. 2. При этом угрозы распределены по трем кластерам: ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК. Такая структура была предложена в работе [1] и оказалась методологически удобной, так как позволяет наглядно показать как содержание отдельных видов угроз, так и их возможные последствия.

Таблица 2

Современные угрозы для глобальной безопасности

Кластер угроз	Содержание угрозы	Ожидаемые последствия
ПРИРОДА	Угрозы из космоса Вулканическая опасность Истощение природных ресурсов	Планетарная геофизическая катастрофа Гуманитарная катастрофа
ОБЩЕСТВО	Геополитический кризис Кризис науки и образования Системный кризис культуры	Новая мировая война Кризис цивилизации Культурное одичание
ЧЕЛОВЕК	Духовно-нравственная и интеллектуальная деградация человека Изменение биологической природы человека	Деградация личности Биологическое вырождение

В работе [1] проведен анализ источников представленных выше угроз и показано, что их подавляющая часть имеет гуманитарную природу. Она обусловлена, главным образом, разрушительной техногенной деятельностью человека, которая определяется его мировоззрением и искажённой нравственной ориентацией жизнедеятельности.

Потребительская ориентация целей развития современной цивилизации в сочетании с рыночной экономикой и деградацией духовно-нравственных качеств человека – это именно те ключевые факторы, которые сегодня ведут человечество к самоуничтожению тем или иным

способом. Новая мировая война с применением оружия массового поражения, экологическая катастрофа и гуманитарная катастрофа – все эти трагические события становятся всё более реальными и, по оценкам специалистов, могут произойти уже в середине XXI века. Эти опасения подтверждаются результатами моделирования глобальных процессов, которое сегодня проводится как российскими, так и зарубежными специалистами [5].

Фактор времени в решении проблем глобальной безопасности

Фактор времени в стратегии глобальной безопасности сегодня становится критическим по следующим основным причинам:

- Разрушение человеком природной среды своего обитания продолжает нарастать и осуществляется в таких масштабах, что возможности восстановления многих жизненно важных экосистем становятся проблематичными, а в значительной части из них уже произошли необратимые изменения. Поэтому при сохранении современной стратегии глобального развития, по прогнозам специалистов, экологический кризис может наступить уже в первой половине XXI века.

- Согласно законам синергетики, в период кризиса сложных систем многие процессы их развития приобретают лавинообразный характер (это так называемые режимы с обострением) [6]. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать возникновения ряда новых глобальных проблем, к решению которых общество окажется неподготовленным. Характерными примерами здесь могут служить дефицит чистой воды, изменения климата, события на Украине, международный терроризм, а также потоки беженцев из стран Ближнего Востока в Европу.

- Для решения проблем глобальной безопасности необходимо подготовить большое количество специалистов нового профиля, способных разрабатывать, осваивать и эффективно применять на практике принципиально новые социальные, информационные, энергетические и другие технологии нового поколения. На это потребуются несколько десятилетий, даже в том случае, если эта задача будет понята, признана приоритетной и начнет решаться безотлагательно.

Таким образом, исторического времени для предотвращения глобального кризиса современной цивилизации практически не остаётся. Поэтому шансы на его успешное преодоление представляются минимальными, поскольку альтернативное решение этой стратегически важной проблемы сегодня не просматривается.

Интеллектуальный потенциал общества в решении проблем глобальной безопасности

Актуальность прорывных технологий

Анализ содержания комплекса проблем глобальной безопасности показывает, что для их решения в столь сжатые по историческим меркам сроки потребуются принципиально новые технологии организации жизнедеятельности общества во многих сферах: экономике, науке, образовании, культуре и здравоохранении. Их эффективность должна быть на порядок выше современного уровня. Такие технологии сегодня называют прорывными, так как они дают принципиально новое качество конечного результата в области своего применения, т. е. прорыв на более высокий уровень этого качества.

Примерами таких технологий могут служить информационные технологии передачи данных по сети «Интернет», а также технологии мобильной связи, которые в настоящее время используются во всём мире. Эти технологии кардинальным образом изменяют образ жизни

миллиардов людей, позволяют экономить социальное время общества и даже изменяют наши традиционные представления о пространстве и времени.

Прорывные технологии, как правило, создаются на основе *научных открытий и социально значимых изобретений* [7]. А это, в свою очередь, предполагает создание эффективной инновационной системы, защиту интеллектуальной собственности, моральное и материальное стимулирование научной и изобретательской деятельности. Об этом убедительно свидетельствует опыт реализации стратегии научно-технологического развития Китая, где созданы и при поддержке государства успешно функционируют 75 зон высоких технологий. Так, например, численность специалистов и другого персонала в одной из таких зон в районе Пекина превышает 500 тыс. человек [8].

Хорошо известен также и опыт научно-технологического развития Японии, где ещё в начале 90-х годов минувшего века была принята и затем реализована национальная программа создания сети из 19 технополисов, связанных между собою скоростными каналами транспортных и информационных коммуникаций [9]. Это позволило Японии стать второй (после США) технологической державой мира, и только в последние годы она уступила это место Китаю.

Закрывающие технологии сегодня и завтра

Необходимо отметить, что содержание Третьей научно-технологической революции [10], которая в настоящее время только начинается, предполагает не только создание прорывных технологий, но также и их массовое распространение в обществе. Именно тогда эти технологии позволят снять с повестки дня целый комплекс социально значимых проблем, т. е. станут *закрывающими технологиями*.

Примерами таких технологий сегодня могут служить так называемые «зеленые» технологии в энергетике, а также нанотехнологии, которые в последние годы находят всё более широкое применения в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Можно ожидать, что в ближайшем будущем такими технологиями станут и технологии автоматизированного изготовления различных изделий при помощи 3D-принтеров, а их широкое распространение коренным образом изменит весь облик мировой системы промышленного производства.

Ещё одним примером прорывных технологий могут в будущем стать информационные технологии, основанные на использовании гибких биологических экранов отображения информации. Они позволяют заменить современные жидкокристаллические и плазменные средства отображения информации и обладают высокими функциональными и экономическими характеристиками. Использование таких экранов, например, в системе образования позволит создать принципиально новую образовательную среду на базе полиэкранных педагогических технологий, которые позволяют более эффективно использовать возможности правого полушария головного мозга человека, ответственного за восприятие образной информации. Ниже будет показано, что это очень важно не только для развития ассоциативной памяти и креативных способностей человека, но также и для развития его альтруистических качеств, необходимых для сотрудничества с другими людьми.

Однако нужно помнить, что создание и распространение прорывных и закрывающих технологий требует адекватных перемен в системе образования и просвещения, в культуре и искусстве, а также в деятельности средств массовой информации. Только после этих перемен указанные технологии получат необходимое распространение и станут неотъемлемой частью новой технологической культуры общества.

Проблема использования интеллектуального потенциала России

К сожалению, в России всё ещё отсутствует целостная национальная стратегия инновационного развития, которая была бы адекватной современным угрозам для обеспечения глобальной безопасности и уровню имеющегося в стране интеллектуального потенциала, возможности которого сегодня явно недоиспользуются. Ведь Россия является единственной страной в мире, где проводится экспертиза и регистрация научных открытий, а также существует общественная ассоциация их авторов. Кроме того, в России имеется целый ряд общественных научных организаций и аналитических центров, возможности которых также недостаточно используются в интересах решения задач национальной и глобальной безопасности [11].

В работе [7] показано, что создание БРИКС открывает новые возможности для кооперации специалистов стран-участниц этой организации в области создания и использования высоких технологий, перехода к новому технологическому укладу общества. Эта кооперация принципиально позволяет преодолеть критическое состояние отечественной экономики и её зависимость от импорта оборудования и технологий из стран Запада, а также существенным образом изменить социально-психологическую ситуацию в российском обществе, энергия которого будет направлена на достижение актуальной, понятной и крупномасштабной цели – переходу страны на качественно новый уровень технологического развития.

Онтология человеческой деструктивности и проблема творчества

Специалисты утверждают, что стремление к творчеству является врожденным качеством человека. Ведь процессы творчества обеспечивают ему возможность наиболее полного самовыражения как уникальной личности, которая заслуживает уважения со стороны других людей. А это именно то, что дает человеку ощущение счастья и полноценности своей жизни. Исследования показывают, что утрата этой возможности делает жизнь бессодержательной и в общем-то бессмысленной. Возможно, этим и объясняется тот высокий уровень самоубийств, который в последние годы наблюдается во многих экономически развитых странах Европы, превратившихся в общество потребления.

Человек приходит в этот мир, для того чтобы стать лучше, а не затем чтобы стать квалифицированным потребителем и грамотным избирателем на очередных политических выборах. Ему нужна большая цель и возможность плодотворно трудиться для её достижения. Такова уж природа человека, которая в последние годы также претерпевает существенные изменения под воздействием внешнего окружения.

Свидетельством этому являются результаты научных исследований молодого поколения современного общества – детей младшего и школьного возраста, а также студенческой молодежи [11, 13]. Они показывают, что создаваемая в информационном обществе новая среда обитания человека оказывает на его социальное поведение, психику и даже физиологию существенно большее влияние, чем это ожидалось ранее.

Исследования причин деструктивного поведения людей в информационном обществе

Исследования американских специалистов по возрастной психологии показали, что интенсивные потоки видеоинформации в телевизионных и компьютерных сетях современного

общества губительно действуют на детей младшего возраста, так как нарушают процессы нормального формирования нейронной структуры их головного мозга [14]. В результате этого на наших глазах формируется новое поколение людей с измененной психикой, для которых характерными являются клиповое мышление и неспособность сосредоточиться на решении более или менее сложных задач. А ведь именно этому поколению и предстоит в будущем решать не только все указанные выше глобальные проблемы, но также и те новые проблемы, о которых сегодня мы даже не догадываемся [15].

Что можно предложить в этой ситуации, и какую роль здесь могут сыграть новые прорывные и закрывающие технологии? Отвечая на этот вопрос, целесообразно рассмотреть концепцию природы человеческой деструктивности, предложенную российским философом, инженером и композитором В. С. Дашкевичем. Он выдвинул гипотезу о том, что глубинную мотивацию социального поведения человека определяет его подсознание. А оно, в свою очередь, определяется информационной средой обитания, в том числе средой звуков и символов, т. е. музыкальной и художественной культурой общества [16].

Деформируя эту природную среду, современный человек нарушает гармонию деятельности левого и правого полушарий головного мозга. При этом ослабляется деятельность правого полушария, ответственного не только за образное восприятие, но также и за альтруистические качества человека, его доброту и внимание к другим людям. Собственно, это и является причиной того аномально высокого уровня эгоизма и жестокости в современном мире, который мы сегодня наблюдаем повсеместно. Для того чтобы устранить эту причину или же существенно ослабить её влияние, необходимо таким образом воздействовать на подсознание людей, чтобы гармония деятельности левого и правого полушарий была восстановлена

Классическая музыка, искусство и массовая информация в системе глобальной безопасности

По мнению В. С. Дашкевича, гармонизации деятельности левого и правого полушарий головного мозга человека может содействовать классическая музыка. Причём эта концепция находит и своё экспериментальное подтверждение. Так, например, в 2001 г. полицейские города Уэст-Палм-Бич (США, штат Флорида) нашли новый способ борьбы с преступностью. В самых неблагополучных районах города они установили на крышах домов мощные динамики, через которые круглые сутки транслировалась классическая музыка – произведения И. С. Баха, Л. Бетховена, В. А. Моцарта. В результате этого нарушений правопорядка на улицах города стало меньше, а единственная проблема, с которой столкнулась полиция, заключалась в том, что некоторые горожане потребовали сделать классическую музыку более громкой [17].

Таким образом, для снижения уровня человеческой деструктивности, необходимо создавать благоприятную для психики человека информационную среду его обитания. Эффективными средствами для этого являются глобальное телевидение и радиовещание, а также интернет-технологии социальных сетей. Позитивное содержание массовой информации, распространяемой при помощи этих средств, может кардинальным образом изменить психологическую атмосферу современного общества, снизить его социальную напряженность, создать между людьми атмосферу доверия, которое необходимо для их сотрудничества.

Поэтому перед деятелями культуры и искусства, а также специалистами в области массовой информации и религиозными деятелями стоит сегодня стратегически важная и ответственная задача – изменить к лучшему нравственно-психологическую атмосферу современного общества, предложить ему такие образы «героев нашего времени», которые стали бы образцами для подражания и содействовали воспитанию в человеке подлинно человеческих качеств, необходимость которых так убедительно показана в работах президента Римского клуба Ауреллио Печчеи [18].

Заключение

Сегодня человечество переживает критический и очень опасный период своей новейшей истории. Глобальные проблемы возникают одна за другой и кажутся практически неразрешимыми. При этом основные механизмы обеспечения глобальной безопасности – фундаментальная наука, традиционная культура, этика, духовность и нравственность – стремительно разрушаются. Создаётся впечатление, что человечество утрачивает один из самых важных инстинктов – инстинкт самосохранения.

Аргументируя этот вывод, приведем цитату из Декларации Всемирного форума духовной культуры, который состоялся в 2010 г. в Казахстане и в котором приняли участие более 1500 представителей различных стран: «Человечество испытывает острую необходимость улучшить условия жизни. Глобальные природные катаклизмы и социальные потрясения беспокоят людей всей планеты, заставляя задуматься над происходящим. Помимо воздействия внешних природных факторов, мир сотрясают экономический кризис, геополитические и социальные конфликты. Но наибольшую опасность несёт нарушение традиционных устоев, упразднение институтов жизни, имеющих духовно-нравственное содержание» [19].

В заключительной части этой Декларации приведены следующие слова Конфуция: «У человека нет более высокого призвания, чем воистину признать себя человеком и стать творцом культуры – единственной реальности, целиком и полностью создаваемой людьми». От того, сможет ли человек осознать и решить эту главную задачу, целиком и полностью зависит наше общее будущее.

Таким образом, ключевые проблемы глобальной безопасности находятся сегодня не в области геополитики, экономики или же энергетике, а именно в гуманитарной сфере. И это наглядно подтверждают последние события в Европе и на Ближнем Востоке. Серия террористических актов во Франции в ночь на 14 ноября 2015 г. оборвала жизни 130 граждан этой страны, а более 350 человек получили ранения. Этот день можно считать началом новой войны, которая объявлена странам Европы террористами ИГИЛ.

В своём выступлении по этому поводу король Иордании Абдалла II назвал эту войну «войной цивилизаций». Нам представляется, что более точным является другое определение, которое предложил известный специалист в области теории развития цивилизаций Ю. В. Яковец. В своём обращении к мировому сообществу [20] он указал, что новая война по своему содержанию является «мировой цивилизационной войной – войной антицивилизации против цивилизации», а её результатом может стать возвращение человечества в средневековье. В обращении указано, что «эта война носит глобальный, всепроникающий характер. Она охватывает все социальные силы и поколения, все политические партии и общественные движения, все культуры и религии, все общины и семьи. Никто не может чувствовать себя в безопасности перед безумием шахидов, управляемых опытной рукой». Поэтому осмысление природы этой войны и роли в ней гуманитарных и культурных факторов является сегодня исключительно важной задачей для всего мирового сообщества.

По оценкам специалистов, следует ожидать, что в ближайшее время террористическая деятельность ИГИЛ будет нарастать, и крупные террористические акты будут происходить и в других странах, которые сегодня ведут борьбу с международным терроризмом. При этом аналитики не исключают возможности использования террористами и оружия массового поражения – химического, бактериологического, радиационного («грязные бомбы») и даже ядерного.

Таким образом, та глобальная опасность, о которой политических руководителей различных стран неоднократно предупреждали учёные, аналитики и службы разведки [21, 22], сегодня стала реальностью. Это одна из серьёзных угроз для глобальной безопасности, которая

должна стимулировать объединение различных стран, народов и конфессий для совместной деятельности в интересах обеспечения глобальной безопасности.

Пришло время, когда политические амбиции и разногласия, а также коммерческие интересы должны отойти на второй план перед лицом общей угрозы. Сегодня беда стучится в каждый дом, и международный терроризм – это далеко не самая главная опасность. Есть и другие, не менее важные. Учёные давно предупреждают об опасности глобальных изменений, которые происходят в мировом океане, температура которого повышается. В результате этого Гольфстрим уже распался на два независимых фрагмента, его температура снизилась на 11 градусов, и он больше не сможет обогревать Западную Европу так, как это было ранее. Ускоренными темпами идёт таяние льдов в Арктике и Антарктике. В странах Азии и Африки возрастает дефицит питьевой воды, от недостатка которой страдают полтора миллиарда жителей этих регионов.

Все эти глобальные угрозы реальны и зримы. Они требуют безотлагательных действий. Поэтому ключевая проблема современности состоит в том, чтобы выработать новую *Стратегию глобального развития цивилизации* на период до 2045 года, о которой говорил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в своём выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [23].

Причём эту стратегию нужно не только разработать, но и практически осуществить в ближайшие десятилетия совместными усилиями мирового сообщества. Но ведь для этого необходимо партнерство и сотрудничество различных стран, а не войны и геополитические конфронтации. Поэтому в современных геополитических условиях эта проблема является неразрешимой, и шансов на выживание у человечества практически не остается.

Необходимо осознать, что жизнь на нашей планете будет сохранена лишь в том случае, если мировое сообщество успеет понять грозящую ему глобальную опасность и совместными усилиями предотвратить или, по крайней мере на некоторое время отодвинуть быстро надвигающуюся катастрофу.

Ведь альтернативный сценарий развития цивилизации на своём заключительном этапе скорее всего будет осуществляться вообще без свидетелей, так как их просто не будет.

Литература

1. Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке // Стратегические приоритеты. 2014. № 1. С. 6–30.
2. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015>.
3. Колин К. К. Актуальные проблемы и стратегические приоритеты глобальной безопасности в стратегии устойчивого развития // Партнерство цивилизаций. 2015. № 3. С. 149–154.
4. Колин К. К. Половинчатая стратегия: критический анализ новых глобальных целей ООН в области устойчивого развития // Партнерство цивилизаций. 2015. № 4.
5. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. М.: Магистр, 2013.
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002.
7. Яковец Ю. В., Колин К. К. Стратегия научно-технологического прорыва России // Аналит. материалы. 2015. Вып. 7.
8. Шабалов М. П. Стратегия научно-технологического развития Китая // Аналит. материалы. 2014. Вып. 1.
9. Тацуно Ш. Стратегия технополисы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.
10. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Алпинанонфикшн, 2015.

11. *Сибиряков П. Г.* Аналитические центры стратегических исследований//Аналит. материалы. 2014. Вып. 2.
12. *Луков Вал. А.* Биосоциология молодёжи: теоретико-методологические основания. М.: Изд-во МосГУ, 2013.
13. *Колин К. К.* Биосоциология молодёжи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 156–162.
14. *Смолл Г., Ворган Г.* Мозг онлайн: человек в эпоху интернета. М.: КоЛибри, 2011.
15. *Колин К. К.* Информационная антропология: поколение NEXT и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе // Вестник ЧГАКИ. 2011. № 4. С. 32–36.
16. *Дашкевич В. С.* Великое культурное одичание: арт-анализ. М.: 2013.
17. Американские полицейские заставляют преступников слушать классическую музыку//URL: <http://www.newsru.com/world/19apr2001/muzika.html>.
18. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
19. К Новому миру и созиданию через духовную культуру. Декларация Всемирного форума духовной культуры (Астана, 2010 г)//URL: [http:// mcenterdk.ru/всемирный-форум-духовной-культуры-2010](http://mcenterdk.ru/всемирный-форум-духовной-культуры-2010).
20. *Яковец Ю. В.* Мировая цивилизационная война началась. Проект обращения к мировому сообществу. 15 ноября 2015 г.
21. *Колин К. К.* Системный кризис культуры: структура и содержание проблемы // Стратегические приоритеты. 2014. № 3. С. 6–27.
22. *Кошкин Р. П.* Россия и мир: новые приоритеты геополитики. М.: Стратегические приоритеты, 2015.
23. Выступление Нурсултана Назарбаева на саммите ООН по устойчивому развитию// URL: <http://mir24.tv/news/politics/3305223>.

Государственная идеология и суверенность: творчество и объективация, конфессионально-цивилизационное измерение

В. Н. РАСТОРГУЕВ,

профессор кафедры философии и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук

Аннотация

Идеология есть особый тип проектного мышления с ярко выраженной функцией долженствования. Поэтому идеология может как активизировать творческий потенциал человека и общества, так и подавлять его, превращаясь в промывание мозгов. Под идеологией в широком смысле следует понимать систему идей, формирующую замысел проекта и конструирующую образ желаемого результата. В статье понятие «идеология» в основном рассматривается применительно к политическим учениям и доктринам, их влиянию на массовое сознание и превращение их в «гражданскую религию». Показывается, что политические идеологии подменяют религиозные доктрины (преимущественно христианские) и поэтому борются с традицией и духовно-нравственной культурой человечества, одновременно паразитируя на них. В современном мире радикальность цивилизационных преобразований в Европе возродила самые радикальные и бесчеловечные запрещённые идеологии. Политическую идеологию следует отличать от государственной идеологии, т. е. стратегии. Идеологии не должны заменять и подменять жизнь. Они есть наказание людям за несовершенство политического устройства мира.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, иерархия ценностей, надличностное пространство, религия, религиозное самосознание, общественные отношения, социальные доктрины, массы, консерватизм, либерализм, глобализация, индоктринация, Ю. Хабермас, К. Манхейм, А. С. Панарин.

Где проходит грань между коллективным творчеством и промыванием мозгов

Идеология – одно из наиболее политизированных (идеологизированных) понятий, которое чаще всего употребляют применительно к политическим учениям и доктринам, претендующим на роль абсолютного, единственно верного (с точки зрения адептов данной идеологии) и полностью систематизированного знания о законах или тенденциях, целях и этапах социально-экономического и политического развития. Особенность таких учений и доктрин – установка на подчинение массового сознания единым представлениям о природе общественных отношений и о должном политическом поведении, что превращает сами доктрины в объект поклонения, в своеобразную «гражданскую религию». Такая трактовка идеологий заметно вытесняет из языка другие значения этого слова, которые не утратили своей эвристической ценности. Кроме того, именно расширенное толкование позволяет выявить инвариантные смысловые характеристики, важные и для объяснения феномена политической идеологии.

Дело в том, что в любом контексте и в любом значении этим словом обозначают, как правило, *особый тип проектного мышления с явно выраженной императивной функцией* – установкой на долженствование. В силу этой особенности идеология, с одной стороны, пробуждает, активизирует творческий потенциал человека и общества (творчество масс), но, с

другой стороны, способна подавлять, парализовывать саму эту способность, превращаясь в метод, названный промыванием мозгов. Определить, где проходит граница между раскрытием творческого потенциала и его подавлением, крайне трудно ещё и по той причине, что способность к самостоятельному мышлению и творческому самораскрытию предполагает длительную и глубокую социализацию, то есть процесс социальной, политической и культурной адаптации или ассимиляции. Когда мы говорим о результатах этого процесса, то фиксируем внимание не на количественных характеристиках, а на качественном уровне, например на степени встраивания объекта социализации в конкретный социум (высокая или низкая социализация).

Во всех этих случаях имеется в виду либо восхождение на новую ступень индивидуального или коллективного развития (социализация как подъём по ступеням развития человека или социума), либо включение объекта социализации в иную, например в более узкую, элитарную и престижную, или, напротив, в более широкую социальную группу. Иногда речь идёт и о большем – о становлении или изменении духа народа, о вступлении общества в новую эру, эпоху, этап цивилизационного развития, что и позволило, к примеру, Э. Гуссерлю рассматривать идеологию как духовную составляющую любой исторической эпохи.

Но за такое восхождение, открывающее новые горизонты и возможности, приходится расплачиваться. Не меньшую цену платят и за вхождение – включение в новую возрастную, профессиональную или социальную группу. Имеется в виду и право пользоваться социальными лифтами, что обеспечивает прохождение в более высокий социальный страт, и изменение имущественного или образовательного ценза («билет в лифт»), и смена гражданской принадлежности или языковой общности, и погружение в какую-то из субкультур. В качестве платы за «входной билет» может быть культурная унификация, добровольный отказ от традиционной идентичности, самостоятельности, суверенности, уникальности. По этой причине современный человек не только приобретает массу преимуществ по сравнению с ушедшими поколениями и даже далекими предками, но и теряет целый набор жизненно важных способностей, начиная с критичности мышления. Такая некритичность выполняет роль анальгетика, позволяет не замечать потерь. То же самое происходит и с независимыми государствами, которые, вступая, к примеру, в межгосударственные союзы, расплачиваются за это частью своего суверенитета (перераспределением базовых компетенций), что иногда граничит с его полной утратой и попранием базовых гражданских прав...

Говоря о феномене промывания мозгов, следует заметить, что только у современного человека, по мнению Э. Фромма, этим методом можно вызвать, к примеру, оборонительную агрессию: «чтобы внушить человеку, что ему грозит опасность... нужно, чтобы социальная система обеспечивала почву для промывания мозгов. Например, трудно себе представить, что такого рода внушение имело бы успех у племени мбуту. Это африканские охотники-пигмеи, которые благополучно живут в своих лесах и не подчиняются никакому постоянному авторитету. В этом обществе никто не имеет столько власти, чтобы заставить кого-либо поверить в невероятное... По сути дела, сила внушения, которой обладает правящая группа, определяет и власть этой группы над остальным населением, или уж как минимум она должна уметь пользоваться изошренной идеологической системой, которая снижает критичность и независимость мышления»¹.

В самом широком плане под идеологией понимается не что иное, как система идей, формирующая замысел какого-либо проекта – технического или научного, художественного или социального, политического или геополитического. При этом идеология позволяет сконструировать более-менее четкий образ конечного (желаемого) результата и сформировать представление об этапах достижения поставленной цели. Специально этой теме (с учетом специфики научного и технического творчества, исторического контекста и эволюции феномена поли-

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 178.

тической идеологии) посвящена известная книга Ю. Хабермаса «Техника и наука как “идеология”». Следует обратить внимание на кавычки, выделяющие слово «идеология», благодаря чему внимание фиксируется на том, что мы имеем дело с неоднозначной интерпретацией этого явления. Уже на этапе общей постановки проблемы и на всём протяжении анализа Ю. Хабермас, как и большинство авторов, пишущих о технике или науке как об идеологии, ссылается на позицию Г. Маркузе (“Kultur und Gesellschaft”), который вполне аргументировано обосновывает базовый тезис: «понятие технического разума, возможно, само является идеологией. Не только применение этого разума, но уже сама техника представляет собой господство (над природой и человеком) – господство методическое, научное, рассчитанное и расчётливое. Определённые цели и интересы этого господства отнюдь не навязываются технике лишь задним числом и извне. Они содержатся уже в самой конструкции технического аппарата. Соответственно, техника – это общественно-исторический проект. В ней спроектировано то, что общество и господствующие в нём интересы замышляют сделать с людьми и вещами. Подобная цель господства “материальна” и в связи с этим принадлежит самой форме технического разума».²

Разумеется, аналогичные выводы можно сделать и применительно к художественному творчеству, в первую очередь к литературе, поскольку именно в литературном творчестве пребывает философия и формируются идеи, составляющие основу так называемого рецептурного мышления. Как тонко пометил А. С. Панарин, «модерн выступил как машина утилизации природы, культуры и самого человека и поставил задачу перевода наличной информации из дискриптивного (описательного) состояния в прескриптивное (технологически рецептурное). Те информационные слои культуры, которые не поддавались процедурам такого перевода, третировались как “пережиток”, создающий “информационный шум”. Критерии, по которым осуществлялись указанные процедуры, сформировала позитивистская методология. Это “чувственная” (эмпирическая) верифицируемость, экспериментальная подтверждаемость и операциональность (переводимость на язык исчислений)». При этом Панарин делает чрезвычайно важный вывод: «предварительно надо отметить, что ни моральные заповеди, ни озарения великой культурной классики этим критериям заведомо не удовлетворяли (В самом деле: что стало бы с моралью, если бы её максимы подвергались критерию эмпирической подтверждаемости или практической отдачи!)»³.

Среди множества современных работ, посвященных роли идеологии в художественном творчестве и литературе, можно выделить культурологические исследования М. Кундера. Он предлагает наиболее простое и четкое обоснование этой проблемы, называя идеологией сквозной замысел, мотив, обычно скрытый в подтексте произведения. По этой причине любой повествовательный текст, по его мнению, пронизан идеологией, под которой следует понимать не только ангажированность, зависимость от какой-то идеологемы, программность или идейность (идейность в интерпретации П. Бурже), но и заложенную в художественный текст «определённую мораль и определённую технику». Идеология обнаруживается и в том, что художник «создает свои приоритеты, даже когда сам того не хочет»⁴. Именно по этой причине романист – это не чей-то рупор, а «рупор собственных идей»⁵.

Политические идеологии и творчество масс

Отличие политической идеологии от таких трактовок, делающих акцент на личностном начале творческого процесса, заключается, на первый взгляд, в том, что её обычно восприни-

² Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 52.

³ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 191.

⁴ Kundera M. Mais ой sont done passees Guerou et les autres? Les deux romans de L'Imposture // Roman 20/50. № 6. 1988.

⁵ Kundera M. Le rire de Dieu // Le Nouvel Observateur. № 1070. 1985. P. 112.

мают как творчество масс, поскольку она действительно вовлекает в процесс изменения социального мира (коллективное социальное творчество – как созидательное, так и разрушительное) миллионы и даже миллиарды людей. Вместе с тем подобная трактовка ни в коей мере не исключает индивидуального начала. Дело в том, что любая политическая идеология, даже эгалитарная, элитарна по своему генезису (только элиты сохраняют контроль над производством и распространением знаний, массмедиа и технологиями индоктринации). Впрочем, политические идеологии не только не скрывают, но, напротив, всячески демонстрируют свою элитарную (теоретическую) основу – те или иные всемирно известные научные школы и учения, созданные выдающимися мыслителями.

При этом всякий «-изм», который ежеминутно встречается в языке науки или политики, подсказывает нам, что речь идёт в данном случае не об уникальном и сугубо личностном восприятии мира, а по преимуществу о так называемом *надличностном пространстве*. Но граница, проходящая между личностным и надличностным, в данном случае более чем условна. В обычной речевой практике, политическом дискурсе и даже в языке науки на каждом шагу происходит подмена понятий и установок. Именно здесь и скрыта причина многих и бессодержательных споров о природе консерватизма, либерализма и прочих идей, имеющих неустойчивый статус. Всякий раз надо задаваться вопросом, что перед нами: то ли это отдельные концептуальные схемы, имеющие хождение в науке, то ли сложившиеся теории, ставшие учениями, то ли частные убеждения, связанные с зависимостью от научных школ? К примеру, консерватизмом можно назвать и явления совершенно иного рода – от типа психической конституции⁶ до глобальных проектов, которые превращают миллионы самостоятельно мыслящих людей в обезличенные массы, объединённые и, соответственно, разделённые не столько подлинными интересами, сколько большими идеями. Эти идеи кардинально отличаются от научных уже по той причине, что легко изменяют основу основ мировосприятия и моделей поведения человека – его уникальную иерархию ценностей. Иерархия – ключевое понятие, позволяющее выявить подмену, поскольку в данном случае главное не набор значимых ценностей, а их положение в иерархии. Само наличие тех или иных ценностных ориентиров и предпочтений (набор) может оставаться неизменным, что и плодит заблуждения. Но подробнее об этом будет сказано ниже.

В зависимости именно от этого выбора полностью изменяется и сам контур жизненных интересов и смыслов, наполняющих жизнь.

Этот вывод можно сделать применительно к отдельным людям и большим социальным группам, классам и нациям, хотя само разделение свободно проходит как через сознание отдельного человека, так и через любую группу, в том числе профессиональную или возрастную. Разделение-единение такого рода бывает на порядок сильнее даже классовых антагонизмов, хотя часто апеллирует именно к ним, и этнокультурных отличий, из-за которых зачастую возникает, а также конфессиональной принадлежности, которая играет едва ли не основную роль в возникновении и сохранении или в распылении той самой иерархии ценностей.

В надличностном пространстве производятся и пребывают как научные теории, становящиеся предметом доктринального изучения и образовательных практик (школьные учения), так и политические доктрины, в том числе идеологии (великие учения). Эти великие учения, носителями которых становятся, иногда против собственной воли, сами идеологи и яйцеголовые, участвующие в их распространении и упаковке, а также, и это главное, миллионы людей, далеких от производства и внедрения политических идеологий в массовое сознание, по многим принципиальным позициям отличны от теорий. Трудность заключается в том, что

⁶ Достаточно вспомнить в этой связи «Общую психопатологию» К. Ясперса с выделением консерватизма как одного из полярных типов конституции или теорию его предшественника К. Конрада, обосновавшего концепцию темперамента развития, который бывает либо консервативным, сохраняющим, либо пропульсивным, продвигающим.

по форме подачи, и в частности по своему понятийному аппарату, а точнее, по терминологии (за каждым термином может стоять множество различных понятий, в том числе и несовместимых), политические доктрины и идеологии могут почти не отличаться от своих теоретических двойников.

К надличностному пространству можно отнести с определёнными оговорками богословские школы и доктрины, а также иные духовные феномены, которые, по определению К. Манхейма, «обладают структурой и надличностным измерением». Все эти уровни надличностного, или внеличного (определение А. Маслоу), познания мира «обнаруживают свою генетическую связь с определённым пространством опыта», но лишь постольку, поскольку познание осуществляется на определённом уровне «установленных в определённой системе понятий»⁷.

И либерализм во всех его разновидностях, и консерватизм во всех его формах, и любой иной «-изм» можно и нужно, разумеется, рассматривать через призму этой методологической установки, фиксирующей наше внимание на различных уровнях надличностного познания, не смешивая их между собой и с личностным восприятием. Это представляется необходимым, прежде всего потому, что слишком велика пропасть между такими феноменами, как научные теории, авторов которых относят к лагерю либералов или к лагерю консерваторов (иногда не считаясь с тем, как авторы идентифицируют собственные концепции), и, к примеру, самим политическими доктринами. Многие из таких доктрин на самом деле давно потеряли хоть какую-то связь с научным мышлением и рассчитаны исключительно на массовую индоктринацию. Если мы не замечаем этой пропасти, то только потому, что становимся жертвами такой индоктринации. Возможно, слово «жертва» слишком сильно стилистически окрашено, но в данном случае его употребление уместно, так как человек, утративший способность критически относиться к концептуальной схеме – пусть даже самой продуктивной и многое объясняющей, но заимствованной из «учений», – становится зависимым от программы, а точнее скрытого императива, заложенного, казалось бы, в совершенно нейтральную схему.

Имена теорий, взятых на прокат...

Остановимся подробнее на том, почему идеологии часто сохраняют имена научных теорий, к которым они восходят, хотя ни одна из теорий в сфере политических наук, в том числе и те, на которых паразитируют идеологии, не только не претендует, но и не может претендовать на статус вероучения. В лучшем случае подобная теория может рассчитывать на признание в рамках научного сообщества с поправкой на то, что это признание не исключает ни альтернативных подходов, ни конкуренции теорий и школ. И когда мы говорим о великих учениях в области науки, то имеем в виду всего-навсего два обстоятельства. Во-первых, отдельные научные концепции и теории приобретают особый статус по той причине, что оказали заметное влияние (созидательное или деструктивное) на становление научной картины мира, на эволюцию взглядов или на социальную и политическую жизнь. Во-вторых, особое положение отдельных теорий отражает объективную потребность в унификации базовых знаний и в разработке образовательных стандартов на всех стадиях обучения, что предполагает целенаправленный выбор немногих адаптированных теорий, дающих общее представление об основных дисциплинах, научных направлениях и доминирующих парадигмах.

В отличие от научных теорий и даже принятых в научном сообществе учений политические идеологии в основном апеллируют не к уму и не к знаниям профессионалов, а к чувствам массы, причём самым сильным и возвышенным. Либерализм – к чувству личного достоинства тех, кому улыбнулась удача (поэтому, как подметил К. Вебер, именно для либералов столь привлекателен протестантизм, трактующий успех как награду свыше); социализм – к неистре-

⁷ Манхейм К. Избранное: социология культуры М-СПб.: Университетская книга 2000. С. 71, 446.

бимому инстинкту справедливости; национал-социализм – к оскорблённому чувству национального достоинства. Но высокие чувства – это только внешняя оболочка. Невелика была бы цена любой политической идеологии, если бы она, апеллируя к высокому, не паразитировала на низменном: либерализм – на гордыне и патологической жадности, социализм – на зависти, а национал-социализм – на больном и извращённом сознании, способном превратить человека и целый народ в убийцу и маньяка.

Доминирование этой тенденции связано с существенным изменением функций великих учений (политических идеологий и доктрин), которые давно (уже в начале XX века) перестали быть уделом узкого круга политиков и дипломатов. Политические учения перестают быть инструментом в руках специалистов и, овладевая массовым сознанием, подменяют собой религиозные доктрины (преимущественно христианские) и религиозную регламентацию поведения человека и общества, вытесняя на периферию основные традиционные формы самоидентификации – конфессиональной, гражданской, этнокультурной. Именно поэтому важнейшие центры распространения христианской цивилизации, прежде всего Европа и Россия, не только стали основным театром и полигоном идейных войн – гражданских и мировых (самых разрушительных и бесчеловечных за всю историю становления цивилизаций), но и превратились в антиподов. Механизм реализации такой самоистребительной стратегии – навязанная политическим элитам конкуренция взаимоисключающих геополитических проектов, предполагающих полную перестройку всех межкультурных связей, социальных и экономических отношений.

Возникает закономерный вопрос: насколько жизнеспособны политические идеологии и есть ли необходимость их совершенствовать или видоизменять, изобретать новые и новые доктрины, претендующие на эту роль? Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, выступая 6 декабря 2010 года на встрече в Краснодаре, «иногда говорят, что страна не может жить без идеологии, что непременно нужна идеология. Я задал себе вопрос: так ли это? И подумал: это неправда. Идеология живёт в течение трёх, максимум четырёх поколений людей. Ни одна идеология, которая существовала в мире, не выдерживала больше этого срока»⁸. И это действительно так: распространение идеологий (индоктринация) порождает иллюзии, в том числе иллюзию обладания вечной истиной или знанием неких неизменных и объективных законов развития. На основании такого «открытия» одни строят этические теории, призванные обосновать «общечеловеческие ценности», который приходят якобы на смену религиозным доктринам, разделяющим мир на верных и неверных. Другие используют сходство для сколачивания политических коалиций единомышленников (примером служат широко распространённые в мире идейные течения христиан-марксистов). Многие говорят о том, что ценности разных культур и эпох если и не совпадают, то имеют несомненное сходство, ссылаясь, например, на мнимое совпадение кодекса строителя коммунизма с христианскими заповедями.

Что стоит за такой позицией и есть ли в ней хотя бы малая доля правды? Для того чтобы ответить на этот вопрос, можно воспользоваться образом перевернутой пирамиды (пирамиды ценностей), которая состоит почти из такого же набора элементов, что и пирамида-эталон. Разница лишь в том, что высшая точка перевернутой пирамиды – преходящие интересы или откровенный культ мамоны, а её основанием стала бывшая вершина – признание воли Божией и поклонение Творцу. Причём эта бывшая вершина стёсана таким образом, чтобы сохранить хоть какую-нибудь устойчивость. Бог поругаем не бывает, но те, кто допускает разрушение иерархии, не могут рассчитывать на спасение. К слову, так называемая концепция устойчивого развития, которая рассматривается едва ли не как основная политическая формула мировой интеграции и, более того, как спасительная доктрина для человечества, является не чем иным, как попыткой создать систему подпорок для перевернутой пирамиды. Такие попытки могут

⁸ Официальный сайт Московского патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1337100.html>.

лишь задержать крушение: зачем надо было бы искать устойчивости там, где она уже есть? Естественно, что человеческий мир, в котором нет места ни для высших ценностей, ни для учителей, которые их приносят в мир, обречен: «Истинно говорю вам: отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу» (Мф. 10:11).

Что же касается мнимого совпадения кодекса и заповедей, всего грандиозного советского опыта по построению спасительного града на земле, но без Божия участия, то причина относительно продолжительного существования подобной идеологии не должна вызывать сомнений. Чтобы пояснить эту мысль, лучше всего продолжить цитату, взятую из выступления Предстоятеля Русской православной церкви, которую мы привели выше. По словам Его Святейшества, «самая сильная идеология была в нашей стране. Почему она была сильной? Почему она выжила три поколения, а другая идеология в Германии – только одно? Потому что идеология, которая существовала в нашей стране, эксплуатировала христианскую идею. Люди оставались верующими... не потому что они посещали храмы – они не могли их посещать, в духовном смысле они были загнаны в подполье. Но они сохраняли систему ценностей, сформированную в Православии... Что такого было в атеистической идеологии, что могло бы заставить человека идти навстречу пулям или отдать свою жизнь на прокладке железной дороги? Да ничего, потому что атеистическая идеология не верит в будущую жизнь, а значит, всякий призыв отдать свою жизнь бессмыслен, потому что жизнь одна. И каждый может ответить: да пойдите прочь с вашей идеологией, я один раз живу, я хочу любить, иметь семью, я хочу иметь дом, комфорт. Как вы можете вдохновить человека на то, чтобы встать и идти в атаку, если за гробом нет ничего? А ведь люди шли. И не только потому, что стояли за гранотряды за спиной, но шли и по совести. В людях генетически работала христианская нравственная идея. А идеологии не живут. Нам не нужно больше никакой идеологии. У нашего народа есть сильная, ясная христианская система ценностей»⁹.

Неприятие идеологий

Как видим, жизнеспособность даже самой влиятельной из идеологий зависит от того, насколько долго она сможет паразитировать на традиции и духовно-нравственной культуре, неотрывно связанной с религиозным самосознанием народа и воспитанной во многих поколениях. Сегодня на смену идеологиям, ослабленным или уже канувшим в Лету, приходят новые доктрины, обосновывающие историческую неизбежность глобализации и характерной для неё культурной унификации – якобы закономерной тенденции, не имеющей альтернатив. На основании этой идеологии происходит явное, а чаще неявное вытеснение традиционных укладов жизни новыми алгоритмами поведения, замещение национальных культур универсальными субкультурами, не признающими ни государственных границ, ни конфессиональных ограничений, но хорошо адаптированными к различным формам коммерциализации всех областей человеческой жизнедеятельности, в том числе и политической. Отсюда – срастание профессиональной политики, которую можно рассматривать как самостоятельную субкультуру, с коммерческими субкультурами.

Остро критическое отношение к идеологиям необходимо, в первую очередь, представителям научного и экспертного сообщества, предметом деятельности которых являются великие учения. На них лежит особая ответственность за то, будет ли у человека шанс защитить своё сознание от тотальной индоктринации. При этом следует признать очевидное: у каждой из конкурирующих идеологий будут и взлёты, и падения, и множественные перерождения при сохранении старых имён (имена дорого стоят, будучи, по сути, политическими брендами), и, конечно, миллионы новых последователей. Почему невозможно освободиться от идеологий?

⁹ Там же.

Ответ прост: их время продлится до тех пор, пока существует социальное неравенство и антагонизмы, пока функционируют демократические институты, пока сохраняется реальная или иллюзорная возможность выбора альтернативных вариантов развития.

Без *партийных идеологий* не обойтись ещё и по той причине, что только конкурирующие партии защищают интересы отдельных социальных групп и сословий, что только в этой борьбе достигается если и не согласие, то хоть какое-то взаимопонимание, похожее, правда, на торжище. На этом торжище каждый из его участников способен уступить немного противнику, пусть даже только для того, чтобы выжить самому. И даже те, кто не переносит идеологий, профанирующих знание, принимают их как меньшее зло, поскольку других вариантов реализации своих политических прав гражданам никто не оставил. Так что идеологии, похоже, переживут ныне существующие государства, в том числе те, которые погибнут в результате войны идеологий или реальной войны, спровоцированной столкновениями на идеологическом фронте.

Сегодня мы наблюдаем возрождение запрещённых идеологий, в том числе самых радикальных и бесчеловечных. Реанимация радикализма во многом предreshена чередой грубых политических ошибок, которые, как известно, хуже преступлений. Среди них – судьбоносные и уже необратимые решения европейских стран, призванные расширить пространство для глобальных экспериментов, для чего, видимо, и потребовалось в масштабах западного мира разом сокрушить базовые устои традиционного общества – семейные и этнокультурные связи, права христиан и даже биологические ролевые функции. И это происходит в режиме не имеющего аналогов истории нового переселения народов, не способных в принципе не только ассимилироваться, но и адаптироваться, приняв нормы толерантности, к которым уже приучено коренное население в результате промывки мозгов. По сути, происходящие на наших глазах цивилизационные преобразования до такой степени радикальны, что на их фоне самые масштабные идеологические утопии насильственного преобразования человечества перестают восприниматься как абсолютное зло. Так что идеологии, похоже, переживут ныне существующие государства, в том числе те, которые погибнут в результате войны идеологий или реальной войны, спровоцированной столкновениями на идеологическом фронте.

Именно здесь, кстати, скрыта причина несовместимости всех существующих конкурирующих идеологий с духом консерватизма как особого типа мировоззрения (в этом случае следует отличать консерватизм как эволюционирующую сеть старых и новых политических идеологий, взрывающих традиции, от консерватизма, понимаемого как традиционализм). Фундамент подлинного (неизменного) консерватизма – уважительное и бережное отношение к *живым традициям*, и прежде всего к религиозным, а следовательно, и к традиционной цивилизационной идентичности. Ещё одна причина несовместимости заключается в том, что жизненные циклы политических идеологий, постоянно мутирующих с учётом политической конъюнктуры, совершенно несопоставимы с временными горизонтами мировых локальных цивилизаций, измеряемыми столетиями и тысячелетиями.

Источник риска, исходящего от идеологий, – тот неоспоримый факт, что каждое из великих учений в области политики требует от своих адептов всей полноты веры, хотя на поверку оказывается набором идейных шаблонов или идеологом, способных повлиять на выбор решений, но не имеющих ничего общего с серьёзными теориями. По сути, распространение идеологий – это целенаправленное покушение на религиозную веру и, более того, попытка захватить ту самую нишу в сознании человека и общества, которую занимает религия. Причём эта агрессия осуществляется под псевдонаучным прикрытием, а иногда и с демонстрацией нейтрального или даже уважительного отношения к тому или иному вероучению, поскольку идеологии борются за признание со стороны как можно большего числа своих потенциальных сторонников.

Таким образом, даже враждующие идеологии, как это ни покажется странным, стоят по одну сторону баррикад. Они солидарны в главном – в своём стремлении любой ценой, даже

ценой собственной гибели, убить традиционализм. В этом смысле они скорее союзники, члены одного закрытого клуба или ордена: проигравший идеологический проект если и гибнет, то не зря, ибо он расчищает дорогу другому проекту-победителю, не оставляя шансов у главных противников – традиций, сакральной власти, которую невозможно приватизировать. Более того, если мировое сообщество устаёт от какого-то монопроекта, то сразу из небытия, как по маговому волшебной палочки, возникают якобы навсегда забытые идеологии. Устанут толпы от вакханалии смешения народов, и вернутся из небытия самые чудовищные формы расизма. Уже возвращаются. Не случайно в либеральной Европе так терпимо относятся к проявлениям нацизма в новообразованных постсоветских странах.

«Споры идеологии»: возможности индоктринации

Сразу следует отметить, что в названии рубрики нет никакой опечатки: не о спорах вокруг политической идеологии идёт речь, а о спорах иного рода, которые можно уподобить спорам грибов, посредством которых те размножаются. Что посеешь, то и пожнёшь, если, конечно, есть необходимые условия для размножения. Споры идеологий почти недоступны зрению, но это живые и весьма активные клетки, в которых идеология скрыта, спрятана. Благодаря этому механизму самовоспроизведения она и получает вторую жизнь каждый раз, когда её споры попадают на благодатную почву. Причём произрастают идеологии, в том числе самые радикальные, вплоть до откровенно нацистских, иногда там, где мы меньше всего готовы с ними встретиться. Они зачатую поражают сознание людей, считающих себя совершенно аполитичными и независимыми уже в силу своего образовательного ценза и самодостаточности. По этой причине многие интеллектуалы искренне полагают, что они-то совершенно свободны от любой идеологической зависимости.

Но мир так устроен, что споры радикальных, то есть наиболее активных и агрессивных, идеологий с заложенным в них генотипом оседают именно на почве, пропитанной гордыней самодостаточности. Сегодня все знакомы, наверное, со статистикой, отслеживающей ручьи и реки, которые питают радикальные группировки, в том числе и самые бесчеловечные, типа ИГИЛ. Факты подтверждают, что в реки эти вливаются не только и не столько тёмные потоки, состоящие из деклассированных элементов и людей, желающих отомстить миру за свою нищету и попрание человеческого достоинства. Основная масса, как ни странно, – это вполне просвещённая и сытая публика. Почему такое происходит? Чтобы объяснить этот факт, можно воспользоваться метафорой: грязь к грязи если и пристает, то не так сильно, как к рафинированным защитникам личной свободы от контроля и любых внешних влияний – от той же общей морали или поповских нравоучений, как называют атеисты проповедь Христова учения.

Свобода такого типа на то и дана, чтобы её адепты могли вести себя так, как им заблагорассудится, и, соответственно, поступать, не считаясь с приличиями, исключительно по личному волеизъявлению. Такие процессы внутреннего перерождения, а точнее, расчеловечивания, происходят, увы, во многих омутах интеллектуального застоя. Правильно говорит пословица: не буди лихо, пока оно тихо. Именно в тихом омуте просыпается иногда такое лихо, которое на порядок радикальнее любого зла, известного каждому. К сказанному следует добавить одно немаловажное наблюдение: подобные противоположности часто находят друг друга, сходятся, хотя сами носители недуга и не догадываются о причинах взаимного тяготения... Идеологии вроде бы у них разные, и даже противоположно направленные (одни ориентированы на культ «эго», другие – на культ «попкорного стада»), но их роднит общая радикальная установка, а потому их сцепка неизбежна.

Такая сцепка во все времена возникала и в России. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить реакцию многих просвещённых и посвящённых на бесчисленные беды и ката-

строфы, которые обрушивались на Россию. На все социальные потрясения, военные потери или акты террора они отвечали не состраданием и не желанием объединиться с народом в одно целое, а непонятым и болезненным всплеском презрительной радости, почти эйфорией. И так идёт издавна – от восторженных поздравительных телеграмм японскому императору в дни тяжелых поражений в Русско-японской войне 1904–1905 годов до ельцинских времён и далее. Разве не они именовали на ведущих медиаканалах повстанцами банды террористов, орудовавших в нашей стране? Разве не они легко и с лёту находят оправдание организованным убийствам женщин, детей и стариков на Донбассе, демонстрируя нацистам в Киеве свою полную поддержку и называя тех, кто давит нацизм, фашистами? Разве не они предлагают нам, наконец, именовать эту свою особую систему взглядов и не вполне адекватную реакцию на боль, которую испытывают другие граждане собственной страны, не идеологией, а деидеологизацией и даже борьбой с идеологией?

Война идеологий или столкновение цивилизаций?

После череды риторических вопросов можно задать ещё один: далеко не риторический: как связаны цивилизации с радикальными идеологиями, да и существует ли такая связь в принципе? Повод для размышлений на эту тему возникает постоянно, как только разгораются споры вокруг государственной культурной и образовательной политики России. Градус противостояния здесь временами зашкаливает, что объяснимо: от того, какой будет эта политика в России, зависит, какой будет Россия, да и будет ли она вообще. Но самые ожесточённые дискуссии по этому поводу вспыхнули сравнительно недавно, а по сути на следующий же день после первых заявлений о разработке проекта «Основ государственной культурной политики».

Причина столь быстрой реакции – заявка на цивилизационный подход при выработке культурной политики России. Мощную волну протеста вызвало, к примеру, всего лишь беглое упоминание о том, что традиционализм – условие культурной, цивилизационной и гражданской идентичности, а к России следует относиться как к особой цивилизации и даже стране-цивилизации, которая отлична от прочих стран и цивилизаций, в том числе и от западной. Собственно, фиксация внимания на этом последнем отличии и всполошила радикальных либералов и западников, которые традиционно прилепляются к власти – политической, идейной, медийной, любой, ибо, как известно, абсолютное доминирование радикальных либералов (рыночных фундаменталистов) во власти – это одно из главных завоеваний западной цивилизации. Если российская власть вдруг повернётся лицом к идее цивилизационной самобытности России, то что тогда останется от этого завоевания?

Новую, куда более яростную, вспышку негодования и бурный поток филиппик в адрес традиционализма вызвал проект «Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации», поскольку и здесь легко прочитывается установка на защиту цивилизационной идентичности. Критики требуют вовсе не улучшения текста, а отказа от самой попытки такую стратегию предложить. Как видите, есть повод задуматься: почему у определённых групп экспертов сразу же возникает столь ожесточённое неприятие любого упоминания о приоритете защиты культурных традиций и об особом цивилизационном пути России?

Не будем называть имен наиболее активных критиков – и не потому, что они никому не известны. Напротив – почти все они уважаемые люди, добившиеся известности вполне заслуженно. Среди них немало раскрученных медийных персон. Причина анонимности совсем в другом: их личности не играют в этом случае, как ни парадоксально это звучит, ни малейшей роли. Дело в том, что все их доводы абсолютно, дословно совпадают, как будто вещают не интеллектуалы, у каждого из которых должно быть своё особое видение происходящего, а один и тот же человек. К тому же их обвинения совершенно не связаны с анализом текста документа.

Приведу только основные «кричалки» (иначе назвать аргументацию такого типа сложно), предложенные в качестве основных доводов против «Стратегии...». Первое обвинение: «документ чисто идеологический» (?), другое: «это излишнее вторжение в мировоззренческую сферу», третье взывает к правосудию: «проект не соответствует Конституции», четвёртое: «это не должен быть идеологический документ», пятое: «неправилен сам ценностно-нормативный подход». Но другие критики выступают ещё круче и прямолинейней: «традиционные ценности – это неонацизм», «мы не должны закрываться от современности традиционализмом». И далее в том же духе. Почему они так мыслят – столь непохожие, но столь похоже? Нет ответа.

Впрочем, ответ есть, и дан он был, к примеру, А. С. Паниным, который писал: «То, в чем нам по-настоящему отказывают сегодня, – это наличие особой цивилизационной идентичности. Нашу специфику пытаются подать в сугубо отрицательных терминах – как традиционализм, отсталость, нецивилизованность. И это несмотря на то что общественная наука давно уже не отождествляет цивилизованность с одним только Западом, признавая множество сосуществующих цивилизаций на земле. Сегодня мало-мальски образованные люди не скажут, что Китай и Индия – это варварские страны, на том основании, что они отличаются от Запада... Отсюда – концепция глобального “открытого общества” и “открытой экономики”, где национальные государственные границы объявляются устаревшими, а сама попытка защищать местные экономики от международного хищничества оценивается как проявление агрессивного национализма и традиционализма, которые должны немедленно пресекаться и наказываться... Самое знаменательное состоит в том, что современный авангард не стесняется оторвать свободу от равенства, от морали и справедливости и провозглашать право современной элитарной личности на свободу в противовес всему тому, что к ней прежде “некритически” примешивалось. Равенство, мораль, справедливость ныне отмечены знаком традиционализма и ассоциируются со стереотипами инертного массового сознания, которому, по всей видимости, так и не суждено стать по-настоящему современным».

Именно по этой причине, по мнению А. С. Панарина, господствующим языком на деле становится английский: «это язык референтной группы – господ однополярного мира, в число которой представители нашей элиты хотели бы попасть. На этом языке говорят эксперты, втайне готовящие стратегические “реформаторские” решения, в первую очередь экономические. Английский стал знаком тех, кто принят и признан, посвящён и включён в списки кандидатов, кому доступна дефицитная информация. Напротив, национальный язык стал знаком изгойства, знаком тех, кто находится на подозрении в традиционализме, патриотизме, национализме и прочих “смертных грехах”»¹⁰.

Идеология и конституция

Политическую идеологию следует отличать от идеологии государственной, то есть от стратегии. Какой должна быть идеология России, да и должна ли у неё вообще быть идеология? Именно эту премудрость и не усвоили те, кто писал текст конституции, заложив в её основу принцип деидеологизации. В глубине души авторы текста осознавали, вероятно, что Россия слишком велика для мелких интересов и мелочных людей. Возможно, они, будучи по большей части людьми образованными, понимали и то, что их полными антиподами являются не русские консерваторы (здесь ничего пояснять не надо), а идеологи канувшего в Лету классического русского либерализма, представленного в своё время крупными мыслителями и патриотами. Его не чурались и просвещённые монархи, поскольку он в целом не был враждебен интересам России. Тем же, кто сегодня называет себя российскими либералами, нравится, скорее всего, само это слово (согласимся, «либерал» звучит лучше, чем «казнокрад»)

¹⁰ Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 42, 62, 68.

и приобщение к вполне респектабельной западной идеологии. Они, доморожденные либералы новейшей популяции, не без основания боятся русских – и людей, и идей, и северных русских пространств, в которых даже европеоидный либерализм русских самодержцев не приживался. Основания для фобий у либеральной элиты такого разлива весомы: основную часть русских действительно не перекуёшь, не научишь воровать, не пересажаешь, наконец.

Но никакая писанная политическая конституция со всеми своими запретами, а тем более заведомо безыдейная, не в состоянии изменить подлинную, неписаную конституцию – дух русского народа. О человеке, физически сильном от природы и не подверженном заразе, говорят, что у него такая конституция, имея в виду явно не набор высоких слов, запечатлённых на бумаге. Также, впрочем, судят и о худом, слабом: не в коня корм, такая уж у него конституция. Конституция русского народа в этом смысле – на зависть другим народам, о чём говорит история. Поэтому, как ни прикладывай последнюю политическую конституцию к нашему народу, это дела не изменит. Конституция, даже беспамятная, не способна освободить наших граждан от исторической памяти и неистребимого коллективизма (духа соборности), т. к. для этого потребуется не одна образовательная реформа и не два десятилетия нефтяной иглы, а как минимум несколько десятилетий тотального разложения.

Там, где конституции успешно функционируют в течение очень долгого времени (столетиями), людям действительно не приходится каждый раздумать. За них «думают» производные от конституции социальные институты, предлагающие отлаженный алгоритм решения задач любого класса – и для отдельных граждан, и для социальных групп на все случаи жизни. Эту способность институтов исправно *работать на людей и за людей* и называют обычно политической и правовой культурой. При наличии такой культуры изменяется сама природа политической идеологии: она перестаёт быть только текстом, поскольку идеи, ее составляющие, уже материализовались, т. е. превратились в действующие социальные институты. Этот процесс и называют объективацией, или, точнее, созданием институциональных фактов. Таким образом, западные конституции более или менее успешно *работают, функционируют* на институциональном уровне и только поэтому почитаются народом даже в том случае, если они глубоко связаны с иллюзорным сознанием политических идеологий и, следовательно, настроены на защиту интересов меньшинства, контролирующего власть.

В современной России, в которой безоглядно демонтировали все советские институты, в том числе и те, которым доверяли несколько поколений *советских людей* (а это все старшие поколения, отстоявшие страну и спасшие мир от политической чумы), подобных традиций уже нет. Их вытравили в процессе демонтажа социалистического государства. А новые, имплантированные, институты, в том числе наиважнейшие – парламентаризм с двухпалатной системой, примат президентства, кардинально перестроенная судебная власть, полиция и прочие, – почти с момента своего рождения поражены неизлечимой заразой, коррупцией. Возможно, она не поразила отдельных носителей власти, во всяком случае, в это хочется верить. Но она глубоко поразила и обезобразила все её механизмы, суставы, органы, жизненные центры. Поэтому сама обезличенная и безыдейная власть выдавливает из себя неподкупных и достойных людей, а надежда на правовую и политическую культуру, тем более на эффективность конституции (её текст можно, конечно, и поправить, и заменить), к сожалению, остаётся пустой мечтой. Для «опривычивания» новых демократических институтов, скопированных с западных, потребуются долгие десятилетия. Причём летоисчисление начнётся, когда развернётся реальная война с коррупцией в верхних эшелонах власти, ибо коррупция не что иное, как срастание власти с криминалом.

В заключение короткий вывод из сказанного. Жить без политических идеологий – такая же утопия, как биологическая жизнь без болезней и смерти. Идеологии поражают слабых и немощных – те институты власти и государства, которые страдают самой опасной формой иммунного дефицита – неверием, потерей религиозного самосознания. Некоторые умирают

сразу, иные долго сопротивляются недугу, но есть и такие, кто приспособливается. Они-то выживают, но разносят заразу. Отношение к идеологиям должно быть соответственное: они не должны заменять и подменять жизнь, с ними просто надо считаться, по возможности от них надо лечить и лечиться. Не смиряться, а именно считаться и лечиться, ибо они не что иное, как наказание людям за несовершенство политического устройства мира.

«Когнитивное оружие» как инструмент подавления национального творческого потенциала

В. Э. БАГДАСАРЯН,

декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, доктор исторических наук, профессор

Аннотация

Описываются методы ведения когнитивной войны, в ходе которой геополитический конкурент когнитивно программируется на саморазрушение. Описываются технологии государственной деконструкции, с поражением общества и человека, ведущие к гибели страны в цивилизационно-органическом смысле. Описывается использование квазинаучных концептов в качестве инструмента идеологического прикрытия геополитической борьбы. Внешнее управление национальной наукой осуществляется через зарубежные гранты, научные премии, рейтинги, индексы цитирования, иностранные стажировки и т. п. Констатируется, что сегодня Россия оказалась заложницей ряда квазинаучных концептов, восприятие которых на уровне околовластных экспертных группировок ведёт к снижению суверенности государства. Противодействие «когнитивному оружию» связано с возрождением национально ориентированной российской науки, в первую очередь гуманитарной.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, ценностные платформы, проектирование будущего, политическое манипулирование научными данными, научные бренды и табу, западническая идеология, культурная матрица, Высшая школа экономики, грантовая поддержка, разгосударствление, идейное позиционирование, патриотическая платформа.

Постановка проблемы

Практика использования науки и информации в качестве идеологического прикрытия политических проектов сложилась довольно давно. Хорошо известно о применении их в данном качестве в рамках советской пропаганды. Но аналогичным образом они использовались и геополитическими противниками. Исчезла ли такая практика в современном формально деидеологизированном мире? Есть основания считать, что она не только не исчезла, но вышла в связи с развитием новых коммуникационных технологий на принципиально новые масштабы применения.

О масштабности такой практики можно получить представление из обобщённого несколько лет назад мировые СМИ сообщения. Десять тысяч американских учёных, включая 52 нобелевских лауреата, обвинили правительство США в манипулировании научными данными в политических целях. Численность подписантов для такого рода обращения беспрецедентна. Среди тем манипуляций назывались вопросы от изменения климата Земли до психологии человека. То есть проблема манипулирования наукой по меньшей мере существует¹¹.

¹¹ URL: <http://intellectual.org.ua/USA1.htm>; *Переслегин С.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М. – СПб., 2009. С. 38–39.

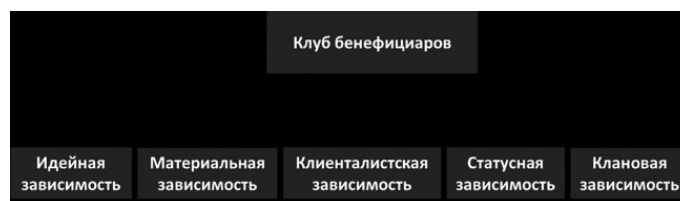

Рис. 1. Виды зависимостей научного сообщества от «клуба бенефициаров»

Если манипулирование наукой в целях управления миром существует, то, соответственно, существуют и механизмы зависимости науки от условно определяемого «клуба бенефициаров». Эти механизмы зависимости могут быть классифицированы следующим образом:

- идейная зависимость;
- материальная зависимость;
- клиентная зависимость;
- клановая зависимость;
- статусная зависимость (условия когнитивного характера как пропуск в учёную корпорацию) (рис. 1).

Войны нового типа и эволюция технологий поражения государственного суверенитета

Советский Союз, как известно, распался без применения военной силы со стороны противника. Однако воздействие внешнего фактора на его распад сейчас общепризнано. Следовательно, результатов в борьбе с геополитическим соперником можно сегодня добиться и несиловым способом. Констатация этого факта приводит к постановке проблемы о качественной типологической трансформации межгосударственных войн в современную эпоху.

Классические военные стратегии основывались на понимании войны как столкновения боевых единиц. Целевой ориентир такой войны заключался, соответственно, в поражении живой силы противника. Война велась войсками, не изменяя принципиально жизни невоенизированной части общества. Это становится невозможно при переходе к следующему этапу развития военных стратегий. В войну систем включались не только армии, но и все ресурсы экономики, государственного управления, культурных потенциалов и идеологии. Побеждали уже не армии, а системы. Главное в этой войне было не столько поразить живую силу противника, сколько подорвать его инфраструктуру, сделать невозможным функционирование системы. Информационно-психологическая война была сфокусирована уже на подавлении воли противника. Его необязательно было уничтожать физически. Достаточно было подавить в нём дух борьбы. Для этого могли использоваться различные демотиваторы. Когнитивная война отличается от информационно-психологической. В ней подавляется и подчиняется сознание противника. Если результатом информационно-психологической войны является нежелание противника продолжать борьбу, то результатом когнитивной – внушение ему мысли, что самой борьбы нет. Противник когнитивно программируется на саморазрушение и даже самоликвидацию (рис. 2) ¹².

¹² Якушин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013.

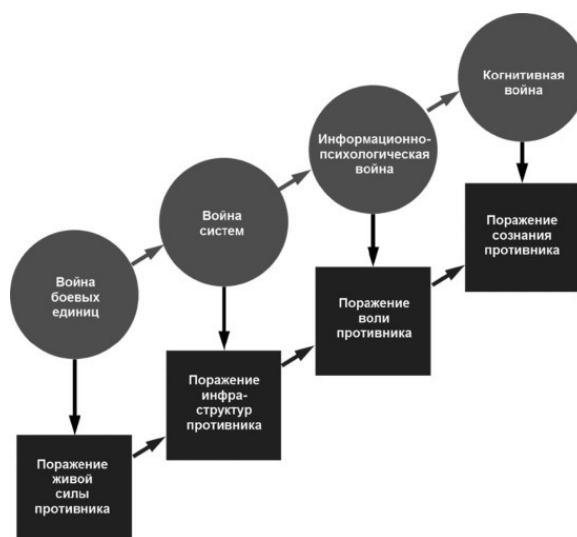

Рис. 2. Когнитивное оружие в эволюции военных стратегий

Технология государственной деконструкции – сложный многокомпонентный процесс. По отношению к нему в литературе используется понятие «молекулярная агрессия». Государственность, сообразно с новыми технологиями, не демонтируется лобовой атакой, а кропотливо подтачивается изнутри.

Ликвидация института государства при непосредственном силовом воздействии на него ещё не означает гибели государственности. При высоком потенциале жизнеспособности общества и человека разрушенные институты власти будут восстановлены (рис. 4). Так, собственно, не раз исторически и происходило (в т. ч. в истории России). Но если окажутся поражены общество и человек, то властные институты при всём их техническом совершенстве будут обречены. Лишившись базовых оснований своего существования, источников жизненной силы, страна «усохнет». Это уже будет не институциональный кризис, а гибель в своём цивилизационно-органическом смысле. Следовательно, если ставится цель разрушения соответствующей страны, более эффективно данная задача может быть решена при опосредованном воздействии через подрыв его основ.

Навязываемые образы: «правильная элита» и «неправильный народ»

Обратимся к некому историческому ряду. 1990 год: Нобелевская премия вручается Михаилу Горбачёву. За год до этого рухнула международная социалистическая система, через год прекратит своё существование и Советский Союз. 1997 год: лучшим министром финансов признается Анатолий Чубайс. Россия тогда находится в преддефолтном состоянии. 2010 год: лучшим министром финансов признается Алексей Кудрин. До этого, в 2009 году, в ситуации мирового финансово-экономического кризиса Россия из всех ведущих держав мира имеет наибольшие показатели падения. Наконец, 2015 год, недавнее решение лучшим в мире главой Центрального государственного банка признаётся Эльвира Набиуллина¹³. Обвал рубля в 2014 году и продолжающееся падение в 2015 году заставляет предположить, что чем хуже показатели в России, тем больше шансов у российских министров получить награждения на Западе (рис. 3).

¹³ URL: <http://lenta.ru/news/2015/09/16/nabibest/>.

Рис. 3. Лучшая элита?

Предлагаемое из серии этих награждений заключение западных экспертов-аналитиков сводится к тому, что в России лучшие министры, лучшая властная элита. Но Россия при этом пребывает в кризисе. Возникает вопрос: что мешает элите, если она лучшая, осуществить успешную реформаторскую деятельность?

Препятствие это обнаруживается достаточно просто. Обратимся к рейтингам, в которых берутся показатели отношения не к качеству государственного управления, а к населению, к стране в целом. Рейтинги, необходимо подчеркнуть, составляются экспертами. Чем место ниже, тем положение соответствующей страны хуже. Нас интересует, естественно, положение России. Итак: 138-е место России по рейтингу ксенофобии (из 140 стран); 138-е – по уровню благотворительности населения (из 153 стран); 49-е место по рейтингу порочности (из 57 стран); 188-е по рейтингу свободолюбия населения (из 199 стран); 153-е место среди самых опасных стран для проживания (из 162); 42-е по рейтингу доброты (из 48); 52-е по рейтингу общему интегральному репутации страны (из 55); 113-е по рейтингу рабства (из 162 стран) (рис. 4)¹⁴.

Рис. 4. Худший народ?

¹⁴ URL: <http://lenta.ru/news/2013/03/21/nowelcome/>; URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013.pdf; URL: <http://www.pravmir.ru/zhertv-net-rossijskaya-blagotvoritelnost-zanyala-138-mesto-v-mire/>; URL: <http://bigpicture.ru/?p=410005>; <http://gtmarket.ru/ratings/freedom-of-the-press>; URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/07/150724_rm_russia_peace; URL: http://www.astromeridian.ru/news/sostavlen_reiting_dobroty.html; URL: <http://gtmarket.ru/ratings/country-reputation-ranking/info>; <http://lenta.ru/news/2013/10/17/slavery/>.

Напрашивается, таким образом, вывод: элита прекрасна – страна плоха, плох народ. В соответствии с этим, чтобы «прекрасной элите» реализовать политический курс, надо сменить «плохую страну». Значит, надо из идентичной России, с её народами, со всеми обстоятельствами её исторического жизнеустройства, сделать нечто другое. Что сделать? Ответ: самоликвидироваться, уничтожить Россию в качестве цивилизационно-идентичной общности.

Необходимость возрождения национальной науки

Существует распространённое представление, что наука всегда универсальна и национальных наук не может существовать. В действительности гуманитарные науки всегда национальны. Они выстраиваются на ценностном фундаменте, а в ценностях человеческие сообщества отличаются друг от друга.

Джеффри Саксу, одному из видных идеологов неолиберальных реформ в России, принадлежит следующее признание причин провала политики 1990-х: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». В либеральной, неозападнической печати сложился стереотип, что Россия имела все основания развиваться так же, как страны Запада, но некие зловещие силы подталкивали её на тупиковый путь. Е. Т. Гайдар свою книгу «Государство и эволюция» завершает призывом «сместить главный вектор истории России», т. е. весь её исторический опыт¹⁵.

Дж. Сакс, по сути, опроверг западнический стереотип. Он не только констатировал провал политики реформ, он пошёл дальше, заявив, по сути, о бесперспективности применения для России универсальных для западной цивилизации схем. Другими словами, неправильная хирургическая метода обернулась тем, что пациент едва не был зарезан. Обнаружилось, что Россия тривиально не может вписаться в систему еового мирового порядка в силу своего цивилизационного своеобразия – «у ней другая анатомия».

Но если гуманитарные науки национальны, то возникает вопрос: где сегодня национальная российская наука? Где та теория, дающая специальную методологию описания «российской анатомии».

Западническая идеология в науке и образовании

В то время, когда президент обозначил вектор поворота в направлении восстановления суверенных потенциалов России, образование и наука России по-прежнему дрейфуют на Запад¹⁶. Так, в качестве одного из показателей эффективности высших учебных заведений России Минобрнауки установило выражаемый в денежном эквиваленте критерий международного сотрудничества. В проигрышном положении при таком расчёте автоматически оказываются вузы, ориентированные на российский рынок труда. Международные связи становятся самоцелью вне зависимости, нужны ли они реально высшему учебному заведению или нет. А рейтинг эффективности вузов, необходимо напомнить, используется в качестве основания для закрытия неэффективных учебных заведений. Вузы, поддерживаемые извне, оказываются в итоге «на коне». Напротив, вузы, традиционно работающие на российские интересы и выражающие российско-ориентированную ценностную платформу, отодвигаются на позиции аутсайдеров.

Создаваемый рейтинг российских учёных задаёт логику несuverенности российской науки. В качестве высшего критерия рейтингования было взято наличие публикаций, индек-

¹⁵ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция: как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб., 1997.

¹⁶ URL: http://ria.ru/top_cabinet_2013/.

сируемых в международных системах Scopus и Web of science¹⁷. Но круг российских журналов, включённых в эти системы, незначительный. По гуманитарным наукам, сопряжённым с ценностными парадигмами, он особенно мал. Нет, в частности, в них ни одного российского политологического журнала. Доминируют англоязычные, и прежде всего американские издания.

В итоге создаётся такая ситуация, что в иерархии российских учёных на первые позиции выводятся те, кто публикуется в американских журналах. Аутсайдерами оказываются публикующиеся в журналах национальных. Между тем американцы берут в авторитетные издания только те статьи, которые соотносятся с их идейными и ценностными подходами. Для размещения публикации о России российскому автору следует в той или иной степени продемонстрировать свою оппозиционность государственному режиму в Российской Федерации. Обязательным требованием для него будут ссылки на американских же исследователей. Итогом такого рейтингования является раскрутка той части учёного сообщества, которая идеологически ориентирована на Запад (рис. 5).

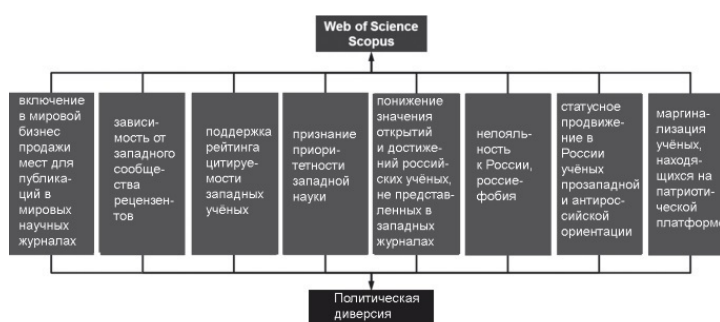

Рис. 5. Ориентир цитируемости в западных журналах – политическая диверсия

В гуманитарных науках создаваемые угрозы такого положения очевидны, и удивительно, что они не замечаются властью. Но есть эти угрозы и в естественных науках. Важным оказывается не само исследование, а публикация его результатов в ограниченной группе заокеанских журналов. «За рубежом, – свидетельствует, в частности, С. В. Дробышевский из МГУ, – наша антропология почти неизвестна. В немалой степени из-за того, что западные журналы не принимают наши статьи из принципа, только потому, что они из России. Единственный способ издаться нашему человеку на Западе – провести там много времени, перезнакомиться с их специалистами, а потом, лично написав статью, отдать её этим специалистам, поставив себя не на первое и даже не на второе место в списке авторов. Понятно, что такого никто из наших не хочет. Замкнутый круг – на Западе не берут к публикации наши статьи и поэтому считают, что у нас антропологии нет, и поэтому не берут наши статьи»¹⁸.

Лабораторией имплементации западных подходов в России выступает с самого момента своего создания Высшая школа экономики. Фактически ей присвоена роль, с одной стороны, законодателя реформ в образовании, с другой – главной экспертной площадки экономического реформирования. Особый статус ВШЭ поддерживается государством. Туда идут заказы на государственные разработки, выделяются гранты. Представителей ВШЭ неизменно включают в экспертные группы и комиссии. Зарплата профессорско-преподавательского состава в Высшей школе экономики принципиально выше, чем в любом другом вузе страны. Она выше, чем, к примеру, в главном национальном вузе России МГУ.

Западническая парадигма по-прежнему определяет содержание учебных программ. Возьмём для рассмотрения перечень дидактических единиц примерной программы основного

¹⁷ URL: http://uni.ulstu.ru/index.php?page_icNscopus.

¹⁸ URL: <http://lenta.ru/articles/2015/06/06/lacour>.

общего образования по всеобщей истории. Что изучается в рамках исторической дисциплины в школе? Почти 73 % дидактических единиц – это история Запада, около 10 % – мир в целом, т. е. по сути дела тоже история западной цивилизации. Таким образом, история мира излагается как западнцентричная версия мировой истории. Российские школьники в рамках всеобщей истории изучают историю одной из цивилизаций – западной. Через эту доминацию закладывается в сознание матрица исторического превосходства Запада (рис. 6)¹⁹.

Рис. 6. Доля цивилизаций в дидактических единицах примерной программы основного общего образования по всеобщей истории (в %)

В качестве иллюстрации перехода на патриотическую платформу преподавания истории приводится принятый с начала 2014 года историко-культурный стандарт. Однако анализ текста стандарта не позволяет принять это утверждение²⁰.

Удивляет настойчивость исключения из представляемых пояснительных вводных к разделам смыслообразующих событий российской истории. Исключённым совершенно оказалось всё, что связано с внешними угрозами, агрессией Запада. Ещё С. М. Соловьёв указывал, что история России была историей непрерывающихся войн.

В пояснительных записках к разделам удивительным образом, за исключением Первой мировой и Великой Отечественной, не представлено больше ни одной войны. Нет ничего об отражении агрессии крестоносцев Александром Невским, о польско-шведской интервенции периода Смутного времени, о петровской победе над шведами в Северной войне, победах А. В. Суворова, об Отечественной войне 1812 года, о холодной войне... Случайным такое игнорирование всех исторических конфликтов с Западом быть не может. Если это не случайно, то возникает вопрос: зачем? Нетрудно предположить, что это связано с попыткой ретуширования исторического цивилизационного антагонизма Россия-Запад. А если антагонизма не было, то тогда можно утверждать о единстве России с Европой, о праве её на включение в общеевропейский дом. Но иллюзия о бесконфликтности отношений с Западом может дорого обойтись для будущих поколений россиян. Стандарт был принят в январе 2014 года, а уже в феврале произошли события, политически опрокинувшие подход по минимизации конфликтных компонент в освещении истории взаимоотношений России и Запада.

Вызов агрессии со стороны Запада являлся важнейшим фактором истории России. Именно он определял в первую очередь мобилизационный тип российской государственности. При игнорировании же фактора внешней угрозы этот мобилизационный тип оказывается представлен в стандарте как проявление исторического запаздывания России. Отсюда, соот-

¹⁹ URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2625>.

²⁰ URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/book/istoriko-kul-turnyi-standart>.

ответственно, направленность исторического процесса (тренд истории) связывается разработчиками с разгосударствлением. Либеральные реформы оцениваются в плюс (при известной оговорке об ошибочности радикального реформирования), тогда как этатистская политика – в минус.

То, что наряду с российской литературой, должны изучаться в школе и лучшие зарубежные литературные произведения, не вызывает возражений. Но возникает вопрос о пропорциональном распределении этих произведений по языкам. Почти половина выделяемых часов приходится на англоязычных авторов. Есть также немецкоязычная, франкоязычная компоненты... Однако, помимо европейских языков, другие языки, представляющие незападные цивилизации в программе изучения мировой литературы, не представлены. То есть опять-таки предложен западнцентричный вариант культуры (рис. 7)²¹.

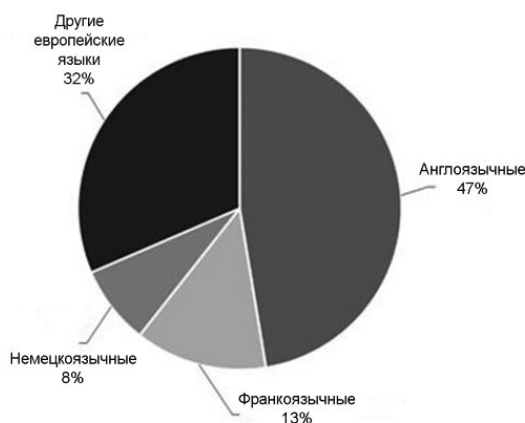

Рис. 7. Зарубежная литература в почасовом распределении в примерной программе основного общего образования (в %)

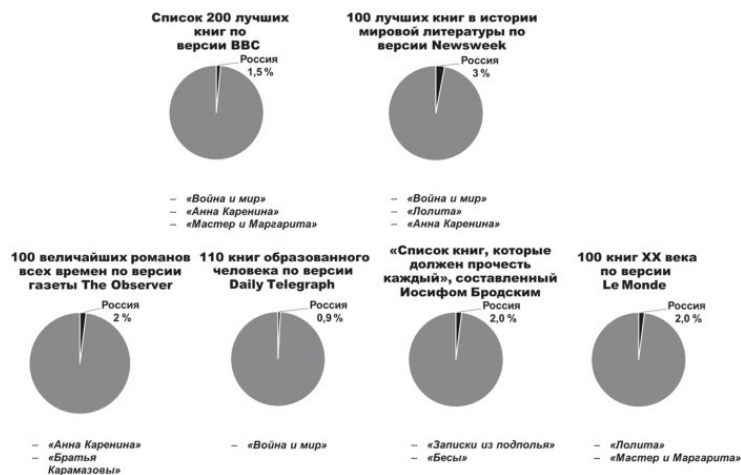

Рис. 8. Место русской литературы в западных рейтингах

²¹ URL: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2625>.

Рис. 9. Поддерживаемые и неподдерживаемые темы в грантах гуманитарных исследований

В последнее время широкое распространение получили различные рейтинги, относящиеся к сфере культуры. Западноцентричность проявляется в них ещё более акцентированно. В индексах цитирования безоговорочно лидируют западные авторы. В индексах успешности университетов абсолютно доминирует западное высшее образование. Обратимся для примера к рейтингам, отражающим место русской литературы в мировом литературном творчестве. Известно, что её роль трудно переоценить. Однако в международных рейтингах она на третьих ролях. Доля русской литературы от мировой находится в международных рейтингах в среднем на уровне – 1,9 %. Легитимизируется, по сути, культурное превосходство Запада. Принимая западноцентричную модель, мы принимаем, соответственно, и вторичность российской культуры, отказываемся от цивилизационно-ценностного первородства, отказываемся от своего идейного позиционирования в мире (рис. 8).

Через гранты государство имеет возможность поддерживать те направления науки и культуры, которые соотносятся с государственным интересом. Какие направления получают грантовую поддержку в современной России? Для рассмотрения были взяты данные по грантам на гуманитарные исследования Российского научного фонда и Высшей школы экономики²². Обнаруживается наличие поддерживаемых и неподдерживаемых тем в гуманитарном дискурсе. Поддерживаемые темы: изучение субкультур, девиантного поведения, трагедии человека в отношениях с государством и т. п. в общем направлены на разрушение целого. И совершенно не поддерживаются темы (их нет в соответствующих грантовых представительствах), связанные с русской общностью, русской цивилизацией, вообще с русской проблематикой, с интеграционными проектами. Грантовая деятельность оказывается, таким образом, направлена на разрушение целого и выстраивание препятствий для артикуляции холистской перспективы (рис. 9).

Среди преподаваемых в высшей школе гуманитарных дисциплин, есть такие, как, например, политология, фактически транслирующие западный политический и ценностный контент. Ситуацию в преподавании политологии иллюстрирует подсчет по персоналиям политологов и политиков, представленных в соответствующих учебных изданиях. В одном случае для анализа был взят энциклопедический словарь по политологии, в другом – учебник по политологии МГИМО. Западные персоналии составляют более 80 % фигурантов учебника и более 90 % словаря (рис. 10)²³.

²² URL: <http://rscf.ru/>; <http://www.hse.ru/org/projects/>.

²³ Политология: учебник/А. Ю. Мельвил и др. М.: МГИМО, 2009; *Погорелый Д. Е. Фесенко В. Ю., Филиппов К. В.* Политология: словарь. М.: Эксмо, 2008.

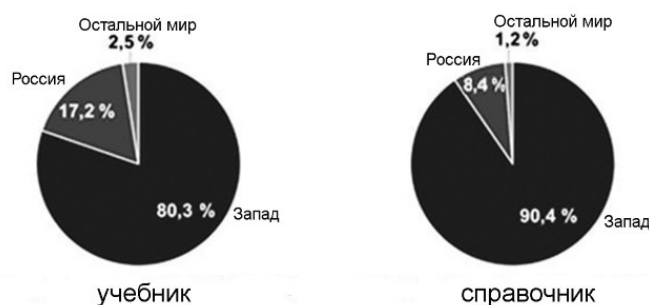

Рис. 10. Персоналии, представляющие разные цивилизации в дисциплине «Политология»

Что, исходя из полученных данных, представляет из себя в таком случае российская политология, та самая дисциплина, которая готовит государственно-управленческие кадры для России? Получается, что это подготовка кадров на основе западной истории, западного политического опыта, западного ценностного багажа.

Целесообразно напомнить в этой связи и уроки истории. Они свидетельствуют о том, что культурная экспансия всегда предшествует военной. Воевать России приходилось именно с тем, кто служил до этого объектом преклонения. Задавалась транслируемая извне новая культурная матрица, вступающая в противоречие с традиционными нормами жизни. Вначале осуществлялось культурное подчинение, а за ним осуществлялись попытки подчинения военного (рис. 11).

Рис. 11. Культурная экспансия предшествует военной интервенции

Для выявления современного поражающего воздействия когнитивного оружия в сфере истории обратимся к практике нацистской пропаганды на оккупированных территориях. То, что она была направлена против СССР и советского народа, очевидно. Следовательно, использование её составляющих сегодня, если такое использование обнаружится, будет означать их антироссийскую направленность.

Во время войны на оккупированных территориях не все школы были закрыты. В функционирующих школах велось преподавание неких гуманитарных дисциплин. Было два фиксируемых этапа нацистской политики в определении их содержания. Первый этап – объяснение истории России через борьбу азиатского и европейского начала. Азиатское представлялось со знаком минус, европейское – со знаком плюс. Оккупация и приход фашизма преподносилось как новая европеизация России и оценивалось как благо. Новый порядок, который устанавливался нацистами, преподносился как очередной этап российской европеизации. А не точно ли

так выстраивается у нас изложение российского исторического процесса? Заявляется наличие общего мирового тренда, европейских ценностей, служащих основой модернизации России. Правильный вектор российского исторического развития, точно так же как в гитлеровских циркулярах, – европеизация (рис. 12)²⁴.

Рис. 12. История России для российских школ в изложении немецких оккупационных властей периода Великой Отечественной войны

Однако на практике выстроить таким образом образовательный процесс не получалось. И тогда осуществляется переход ко второму этапу. Суть его состоит в выхолащивании из истории больших смыслов, сужение континуума. От рассмотрения больших процессов уходило к рассмотрению жизни человека в ситуационном измерении.

Новый предмет получил привлекательное название родиноведение. Что плохого в родиноведении? От большой истории в родиноведческом курсе отказывались вообще. Историю страны в рамках родиноведения не изучали, а изучали историю сёл, историю семей, историю человека в быту, в повседневности. Ничего плохого в изучении истории повседневности нет. Но когда микроистория противопоставляется большой истории, это подрывает ту общность, которая выстраивается на соответствующем едином историческом сознании²⁵.

А не тоже ли самое происходит сегодня? Вместо истории как процесса, истории как концепции даётся история как информация. В качестве наиболее перспективного направления рассматривается история повседневности, история локалитетов.

Обратимся к гитлеровской пропаганде среди советского населения. Смысл её состоял в том, чтобы отделить народ в СССР от государственной власти. Выстраивалась дихотомия: с одной стороны власть, жестокий тиран Сталин, с другой – народ. А теперь обратимся к тому, как преподносится война в изложении истории с либеральных позиций. Та же самая дихотомия: была плохая власть и народ, добившийся победы вопреки Сталину.

Научные теории как инструмент идеологического прикрытия периода холодной войны

Уже применительно к эпохе холодной войны обнаруживаются проектирующие функции генерируемых на Западе мирообъяснительных концептов. Казалось бы, реальное мироустрой-

²⁴ Черняков Д. И. Историческое знание в школьной политике нацистов на оккупированной территории РСФСР // Преподавание истории в школе. 2011. № 3. С. 23–28.

²⁵ Там же.

ство – это дуполярный мир: с одной стороны социалистическая система, с другой – капиталистическая. Однако выдвигаемые концепты описывают мир не в рамках существующей бинарной модели, а совершенно иначе. В противовес реальной системе дуполярного мира в период холодной войны были выдвинуты следующие теоретические направления:

- теория цивилизаций А. Тойнби, развитая С. Хантингтоном (основные субъекты – цивилизации и сверхцивилизация)²⁶;
- теория конвергенции (единая, объединяющая капитализм и социализм социальная система)²⁷;
- теория модернизации (основные субъекты – модернизированные страны и страны традиционного общества)²⁸;
- теория постиндустриального общества (основные субъекты – постиндустриальные, индустриальные и аграрные сообщества)²⁹;
- теоретические разработки Римского клуба (основные субъекты – страны богатого Севера и бедного Юга)³⁰;
- теория мир-системы И. Валлерстайна (основные субъекты – страны центра, полупериферии и периферии)³¹.

Рис. 13. Проектируемое мироустройство гуманитарной наукой Запады периода холодной войны

Описываемая в рамках указанных теорий модель выстраивалась при всех вариациях в парадигме однополярности. Рухнул Советский Союз, и установилась именно та однополяр-

²⁶ Тойнби А. Дж. Цивилизации перед судом истории. М., 1996; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

²⁷ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969; Современные буржуазные теории о слиянии капитализма и социализма. М., 1970; Sorokin P. A. The basic trend so four times. New Haven, 1964.

²⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Старостин Б. С. Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981; Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 14–26; Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 267–268; Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 101–122.

²⁹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Иноземцева. М.: Академия, 1999; Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000.

³⁰ Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980; Пестель Э. За пределами роста. М.: Прогресс, 1988; Вайцзекер Э., Ловиш Э., Ловиш Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. М.: Academia, 2000; URL: <http://www.clubofrome.org>.

³¹ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001; Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едитори-ал УРСС, 2003; Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2003; Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / Пер. Н. Тюкиной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006; Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008.

ная система, которая описывалась при разработке всех этих теорий. Следовательно, мы имеем дело не столько с собственно научным анализом, сколько с проектируемостью мира. Соответственно, в ракурсе проектируемой футурологии следует посмотреть сегодня на современные вызовы гуманитарной науки (рис. 13).

Теория постиндустриального общества

Одним из популярных концептов этого периода явилась теория постиндустриализма. Однако анализ статистических рядов по доле занятости и доле в ВВП в мире индустриального сектора за двадцатое столетие тренда снижения его значимости не подтверждает (рис. 8, 9)³². Удельный вес промышленной составляющей экономики устойчиво возрастал. Сегодня по отношению к ряду бурно развивающихся стран современного мира уместно использовать понятие «неоиндустриализация». Значит, концепт постиндустриализма не отражает ни реальных исторических трендов, ни современной действительности. А в действительности индустриальное производство в мире не исчезло, а оказалось выведенным в значительной мере в страны третьего мира. Сложилась модель, при которой Запад переориентировался на сервисную деятельность, возложив функцию материальное производства на страны полупереферии. Искажая реальные геоэкономические тренды, теория постиндустриализма указывала ложные стратегические ориентиры для стран незападных цивилизационных ареалов, включая Россию, – деиндустриализацию и сервисизацию.

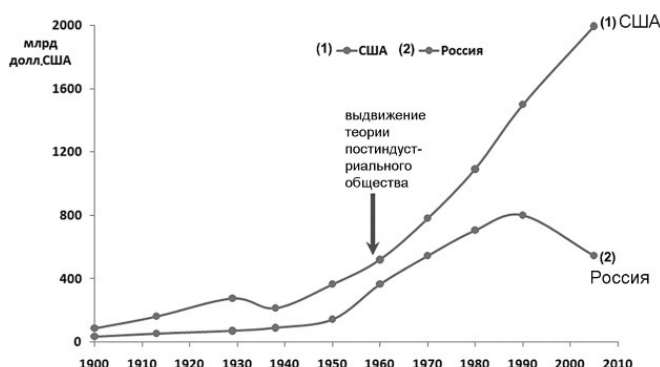

Рис. 14. Промышленное производство в России и США, в млрд. долл.

Скрытая сторона теории постиндустриализма определялась контекстом холодной войны. Советский Союз, как известно, сделал основную ставку на развитие индустриального сектора экономики. Индустриализация страны преподносилась в качестве главной экономической задачи. Теория постиндустриализма подсказывала совершенно иные стратегические ориентиры. Удивительным образом её вброс в мировое информационное пространство совпал с изменением траектории мировой исторической гонки между СССР и США. Советский Союз с начала индустриализационного рывка последовательно сокращал своё отставание от Соединенных Штатов по совокупным объемам промышленного производства. К началу 1960-х гг. этот разрыв был минимальным. Сохранение существующих на тот момент трендов означало бы, что СССР обходил в течение десятилетия США. И тут происходит нечто. Темпы промышленного роста в США резко возрастают, тогда как в СССР (РСФСР) происходит торможе-

³² Maddison A. The World Economy in the 2° Century. Paris, 1989; Mitchell B. R. International Historical Statistics: Europe, 1750–2000. New York, 2003; Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9; Кузык В. Н., Яковец Ю. В. Становление интегрального экономического строя – глобальная трансформация XXI века. М., 2008. С. 32–34; Мировая экономика. Глобальные тенденции. М., 2003. С. 535–538.

ние. На постсоветском этапе показатели роста промышленности в России и вовсе приобретают отрицательное значение. США между тем продолжают увеличивать обороты промышленного производства (рис. 14)³³.

Проектирование будущего сегодня

Если верен тезис о том, что гуманитарная наука используется в интересах проектируемости будущего мироустройства, можно диагностировать что проектируется. В частности, нас прежде всего интересует, что составляет целевые ориентиры проектных разработок в отношении России. Соотнесение глобальных футурологических концептов и производных от них проектных научных постановок раскрывается в рамках следующих логических связей:

– глобальное потепление – Россия в будущем – страна максимально благоприятного климата;

– ресурсное истощение – Россия – обладатель наиболее крупных ресурсных потенциалов мира;

– угроза глобального китайского экспансионизма – Россия неспособна сама удерживать свои территории в случае китайской экспансии (Э. Люттвак открыто говорит о грядущей китайско-американской битве за Россию³⁴);

– утрата контроля за распространением ядерного оружия – ядерный арсенал России может оказаться в руках террористов.

Исходя из всего этого, суммируя выводы указанных теоретических разработок, Россия должна быть взята под контроль международного консорциума. И показательно, что всё это артикулировалось ещё до крымского прецедента (рис. 15).

Такая же методика идентификации обозначаемых в западной гуманитаристике дуальных связей между глобальным вызовом и предлагаемым концептом решений применяется при выявлении проектируемого будущего мира. Именно в этом смысле номинируются и информационно распространяются, как показывают результаты исследования, так называемые «глобальные проблемы современности»³⁵. Образуются следующие дуальные связи такого рода:

– терроризм (в том числе ядерный) – международная борьба с угрозой терроризма, безопасность в обмен на ограничение свобод;

³³ Болотин Б. Мировая экономика за 100 лет // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 9. С. 107–108.

³⁴ Люттвак Эдвард. Самая большая битва пойдет за Россию // URL: <http://oko-planet.ru/>.

³⁵ Актуальные проблемы глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4–5; *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия: М.: Междунар. отношения, 1993; *Гизатуллин Х. Н., Троцкий В. А.* Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5; *Глобальные проблемы и цивилизационный сдвиг.* М., 1993; *Глобальные проблемы, их суть и поиск путей разрешения / Авт. – сост.: А. А. Черепанов, А. Г. Литвиненко.* Новосибирск: СО РАН, 1998; *Глобальные проблемы как источник чрезвычайных ситуаций: Междунар. конф. 22–23 апр. 1998 г. Докл. и выступления / Под ред. Ю. Л. Воробьева.* М.: УРСС, 1998; *Делягин М.* Общая теория глобализации // *Общество и экономика.* 1998. № 10–11; *Друкер П. Ф.* Новые реальности: в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994; *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция: доклад Римского клуба. М.: Прогресс, 1991; *Куликов М. И.* Мир на пороге XXI столетия: Всемирно-исторический процесс и глобальные проблемы мировой цивилизации: учеб. пособие. Новгород, 1995; *Ласло Э.* Пути, ведущие в грядущее тысячелетие. Проблемы и перспективы // *Вопросы истории, естествознания и техники.* 1997. № 4.; *Майор Ф.* Память о будущем. М.: Прогресс, 1995; *Программа действий: повестка дня на XXI в. и др. документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении / Сост. М. Китинг.* Женева: Центр «За наше общее будущее», 1993; Римский клуб: История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы (The club of Rome) / Под ред. Д. М. Гвишиани. М.: УРСС, 1997; *Родионова И. А.* Глобальные проблемы человечества: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1994; *Хохлова Т. Ф.* Глобальные проблемы человечества (по докладу Римского клуба) // *Вестник Моек, ун-та. Сер. 6. Экономика.* 1996. № 2; *Яновский Р. Г.* Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999; *Beyond the earth summit: Developing an energy-efficient world. Hearing before the Comm, on gov. affairs, US Senate, 102d Congr., 2d sess., May 21, 1992.* – Wash.: Gov. print, off, 1993; *Encyclopedia of world problems and human potential / Ed. by Union of intern. assoc. Munchen etc.: Saur, 1994. Vol. 1: World problems. – 1263 p.; Vol. 2: Human potential – transformation and values.*

- новое переселение народов – установление ограничительных барьеров по притоку мигрантов в страны «золотого миллиарда»;
- «война цивилизаций» – усиление международного арбитража;
- финансовый кризис, объясняемый как следствие неуправляемости мировыми финансами – интеграция мировых финансов;
- утрата функций национальных государств – создание наднациональных структур управления;
- катастрофический характер загрязнения окружающей среды – международный контроль за экологическим состоянием регионов мира;
- перенаселение Земли за счёт неконтролируемости прироста населения в странах мировой периферии – установление мирового контроля за демографическими процессами, планирование семьи;
- угрозы распространения эпидемиологической катастрофы из стран периферии – прямое вмешательство мирового сообщества с гуманитарной миссией.

Рис. 15. Россия в фокусе западной научной футурологии

А в итоге, суммируя ответы на каждый из обозначенных вызовов, все предложения сводятся к усилению роли международного сообщества в управлении мировыми процессами. Другими словами, речь идёт о создании «мирового правительства». Само понятие пока публично не озвучивается. Но именно это и подразумевается как итог разрешения глобальных проблем (рис. 16).

Рис. 16. Мировая наука о глобальных проблемах современности и проектирование нового мироустройства

Механизмы «информационной раскрутки»

Итак, наука (или, точнее, – квазинаучные концепты) широко используются как инструмент идеологического прикрытия. А как технологически осуществляется распространение желаемого проектам научного концепта? Для этого прежде всего существует соответствующее информационное обеспечение. Следовательно, нужен контроль за медиаресурсами. И такой контроль достигнут. Медиаресурсы, сконцентрированные в странах Запада (86 % крупнейших медиакомпаний мира), обеспечивают его тотальное доминирование в мировом информационном пространстве (рис. 17)³⁶.

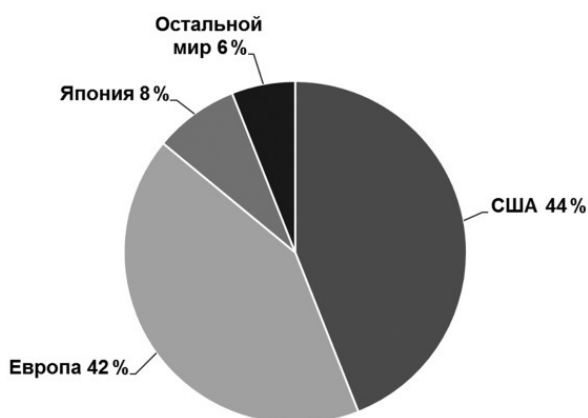

Рис. 17. Доли стран и регионов среди крупнейших медиакомпаний мира (в %)

Инструменты научных брендов и научных табу

Ещё одним механизмом поддержки соответствующих научных концептов является номинирование: что считать истинной наукой, а что нет. Распространённым приёмом является в этом отношении вручение научных премий, установление научных рейтингов и индексов. Классический пример – Нобелевская премия. Подавляющее большинство её лауреатов по научным номинациям (от 91 % до 96 %) – граждане западных государств. О том, что такое распределение не соответствует реальному развитию науки, косвенно свидетельствует аналогичное доминирование Запада в номинациях по литературе и борьбе за мир. Очевиден ангажированный характер награждений (рис. 18).

³⁶ URL: <http://www.advertology.ru/article7006.htm>.

Рис. 18. Лауреаты Нобелевской премии в научных номинациях по странам мира (в %)

Литература не зависит в той мере, как наука, от экономической мощи государств. Она опирается на фундамент культуры, а все культуры равноценны. Но и по литературе, как и в области науке нобелевские премии получают главным образом представители западных стран. И за мир, судя по соответствующей нобелевской номинации, борется преимущественно западное сообщество. Ситуация абсурдная! Как будто не западные государства бомбили Югославию, Ирак, Ливию (рис. 19).

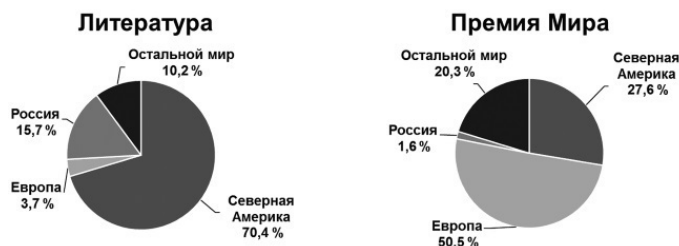

Рис. 19. Лауреаты Нобелевской премии в ненаучных номинациях по странам мира (в %)

Существуют различные рейтинги, обеспечивающие фигурантам информационную раскрутку определённых идеологических проектов. Так, в 2011 году 24-м номером списка глобальных мыслителей мира авторитетным журналом Foreign Policy был определён один наш соотечественник – Алексей Навальный. Рейтинг определял не политических деятелей, а именно, подчеркнём, глобальных мыслителей человечества³⁷. В 2012 году российское представительство существенно расширилось. Наряду с А. Навальным (45-е место), в топ-100 вошли на этот раз участницы панк-рок группы Pussy Riot М. Алехина, Н. Толоконникова, Е. Самуцевич (16-е место), программист Е. Касперский (40-е место), Е. Чирикова (70-е место). Позиционирование Pussy Riot как глобальных мыслителей человечества служит наилучшей иллюстрацией того, что собой представляют научные рейтинги в современном мире³⁸. 2014 год открыл дверь в перечень глобальных мыслителей экологу-«яблочнику» Евгению Витишко, борцам за права ЛГБТ-сообщества – Елене Климовой и Игорю Кочеткову³⁹.

³⁷ The FP Top 100 Global Thinkers // URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/11/28/the_fp_top_100_global_thinkers?page=0,23/.

³⁸ URL: <http://www.foreignpolicy.com/2012globalthinkers>.

³⁹ URL: <http://rn.forbes.ru/article.php?id=273563>.

Провозглашение того, что считать «передовой наукой», сочетается с использованием маркера «ненаучности». Казалось бы, для научного познания не должно быть принципиально запретных тем. Однако такого рода табу существуют. Связаны они, как правило, с развитием тем, способных подорвать позиции бенефициариата. Одним из маркеров такой табуизации является конспирология («теория заговора»). Признание работы конспирологической фактически подразумевает вынесение ей вердикта ненаучности.

Научные гранты и стажировки в контексте геополитической борьбы государств

Управляем ли в целом процесс формирования ценностных предпочтений учёных? Запад ежегодно расходует миллиардные средства на помощь государствам с переходной экономикой и развивающимся странам. Ещё в период так называемой «перезагрузки» Филипп Гордон, заместитель госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии, прямо заявляет о существенных средствах, затрачиваемых Соединенными Штатами на поддержку демократии и обеспечение прав человека в Российской Федерации⁴⁰.

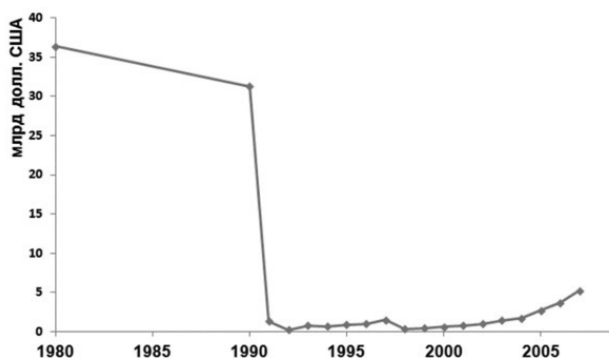

Рис. 20. Динамика расходов на науку в России (в млрд долл. США)

Рис. 21. Динамика отношения зарплаты в сфере науки к средней зарплате в стране (в %)

Безусловно, одним из наиболее весомых компонентов этого финансирования является опосредованная «вербовка» интеллектуальной элиты. Официально легче всего это сделать через поддержку науки. Поддержка через гранты является одной из важнейших и наиболее технически простых способов трансляции. В тот самый момент, когда российское государство

⁴⁰ URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/03/15/957837.html>; <http://www.scan-interfax.ru/Home/TopicNews/db30b57a-29b9-4688-aa06-8193d84966bb>.

устранилось от финансирования науки, резко возрос поток западных грантов. Падение в масштабах средств, выделяемых на науку в Российской Федерации по сравнению с советским временем, выразилось на точке минимума почти стократным разрывом. Резко снизилась заработная плата научных работников в отношении к средней заработной плате по стране. Входившие в СССР в круг элиты учёные в постсоветское время оказались в статусе аутсайдеров (рис. 20, 21)⁴¹.

Прослеживается зависимость в динамике обоих обозначенных финансовых потоков: сокращение финансирования науки со стороны российского государства и возрастание её финансирования со стороны США, позволяющая говорить об их сценарной увязке. К концу девяностых годов по зарубежным грантам работала половина всех российских учёных. По другим оценкам – 70 %. Западная финансовая поддержка являлась для российских учёных одной из главных статей дохода. Вопрос о том, насколько волен грантополучатель в своих ценностных и идейных установках, не имеет универсального ответа. Однако нельзя сбрасывать со счетов и тривиальное положение «кто платит, тот и заказывает музыку»⁴².

Соединенные Штаты Америки выделяют ежегодно миллиардные суммы «на поддержку демократии в мире». Выделяемые статьи расходов позволяют четко зафиксировать осуществляемую «мягкую экспансию»: госуправление, обеспечение законности и прав человека, развитие гражданского общества, развитие политической конкуренции⁴³.

Многokратно возросла с 2000-х годов финансовая активность одного из главных акторов американского управления мировым общественным мнением – «Национального фонда демократии». Фонд напрямую финансируется Конгрессом и Госдепартаментом США. На сайте фонда приводится широкий перечень адресатов помощи фонда в России⁴⁴.

Цели фонда:

1) поощрять свободные и демократические институты во всём мире через частные инициативы, в том числе через деятельность, способствующую становлению индивидуальных прав и свобод, имеющих важное значение для функционирования демократических институтов;

2) способствовать налаживанию обмена между частным сектором США (в особенности – двумя основными американскими политическими партиями, профсоюзами и бизнесом) и демократическими группами за рубежом;

3) способствовать неправительственному участию США (особенно – двух основных американских политических партий, профсоюзов, деловых кругов и иных частных групп) в программах обучения демократии и создания демократических институтов за рубежом;

4) укреплять демократические избирательные процессы за рубежом посредством сотрудничества с местными демократическими силами;

5) содействовать участию двух главных американских политических партий, профсоюзов, деловых кругов и других частных групп США в развитии сотрудничества с теми, кто за рубежом привержен культурным ценностям и институтам и формированию демократического плюрализма;

6) поощрять создание и развитие демократии, отвечающей как интересам Соединенных Штатов, так и конкретным требованиям иностранных демократических групп, получающих помощь по программам, финансируемым фондом.

⁴¹ Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900–2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М., 2006. С. 90.

⁴² Мирская Е. Российские академические ученые в зеркале социологии науки // Отечественные записки. 2002. № 7.

⁴³ URL: <http://www.gosrf.ru/news/3107/>; URL: <http://www.vz.rU/politics/2012/3/15/544684.print.html>.

⁴⁴ URL: <http://www.ned.org/>; URL: [http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=376.0;wap2](http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=376.0;wap2;); URL: <http://green-pravda.com/>; URL: [http://www.lenty.rU/go.html9http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://vlasti.net/index.php?Screen=news&id=203747](http://www.lenty.rU/go.html9http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://vlasti.net/index.php?Screen=news&id=203747;); URL: <http://malchish.org/lib/politics/NGO.htm>.

Направления финансирования охватывают фактически все ниши возможного целевого воздействия на несиловые потенциалы государств:

- 1) плюрализм;
- 2) демократическое управление и политические процессы;
- 3) образование, культура и коммуникации;
- 4) исследования;
- 5) международное сотрудничество⁴⁵.

«Национальный фонд демократии» – важнейшая, но не единственная структура, финансирующая в американских интересах развитие соответствующих направлений науки в странах мира. Активная роль принадлежит, в частности, посольствам США.

Основания для грантовой поддержки Комиссии по демократии посольства США в России в рамках Программы малых грантов «Открытый мир» устанавливают следующий перечень направлений:

- открытый доступ к информации, свобода слова, свобода прессы, открытость органов управления;
- развитие гражданского образования;
- правозащитная деятельность, в том числе права женщин, детей, представителей различных национальностей;
- поддержка общественных движений и общественной активности, подготовка и поддержка корпуса волонтеров;
- развитие правового государства и механизмов правовой защиты личности;
- предотвращение насилия в семье и торговли женщинами;
- распространение опыта строительства демократии, в том числе опыта США.

Основными формами грантополучателей определяются:

- конференции, семинары, тренинги, презентации и другие виды образовательной и обучающей деятельности;
- публикация материалов;
- подготовка видеоматериалов;
- проведение общественных кампаний;
- организация общественных центров, ассоциаций;
- создание базы данных и компьютерных пунктов открытого доступа⁴⁶.

Безусловно, международное сотрудничество для развития национальной науки необходимо. Без него, будучи изолирована, она может оказаться в состоянии стагнации. Но достаточно посмотреть на долю зарубежных и российских источников в финансировании научных исследований в рамках международного сотрудничества, чтобы убедиться, в чьих интересах и по чьему целевому заказу это сотрудничество осуществляется (рис. 22)⁴⁷.

⁴⁵ URL: <http://www.ned.org>.

⁴⁶ URL: <http://methodist.edu54.ru/node/1765>; www.infogrant.ru/ap/39.html.

⁴⁷ Арефьев А. Л., Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки: социологический анализ. М.: Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 23; Регионы России. Состояние и развитие научного потенциала вузов Минобразования России. СПб., 2001. С. 3; Индикаторы науки: 2011: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

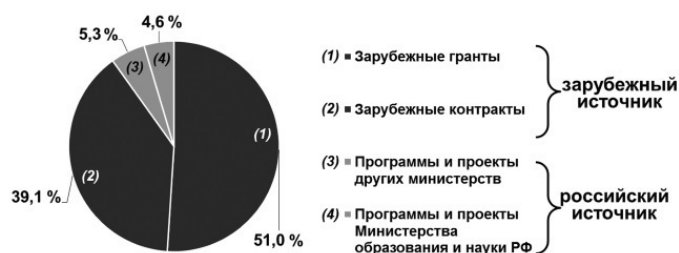

Рис. 22. Финансирование научных исследований вузов в рамках международного сотрудничества

Характерно определение пропорций отраслей наук, получающих финансирование по зарубежным грантам. Следовало бы ожидать, что это должны быть технические или естественные науки. Авторитет России по этим направлениям в мире ещё достаточно высокий, чего не скажешь о российской гуманитаристике. Но преимущественное финансирование из-за рубежа получают именно общественные науки. Представителей точных наук предпочитают приглашать на работу за рубеж, нежели инвестировать через них российские научные инфраструктуры. Преимущественное финансирование по зарубежным грантам общественных наук в России объясняется опять-таки идеологическими, а через них и геополитическими обстоятельствами (рис. 23)⁴⁸.

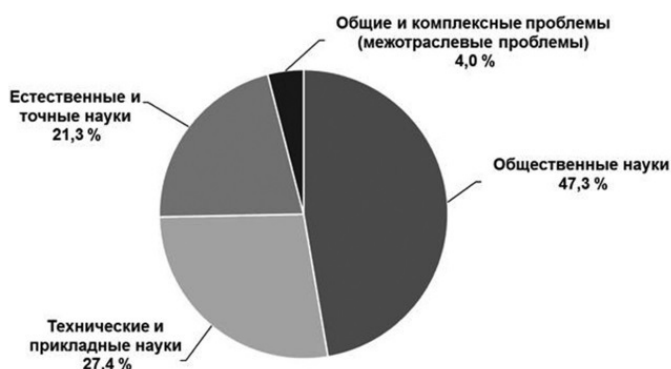

Рис. 23. Распределение объема финансирования зарубежных грантов и контрактов по областям знаний (в %)

Наряду с грантами традиционным каналом «вербовки» элит всегда являлись иностранные стажировки. Этот механизм был активно применён в период, непосредственно предшествующий распаду СССР. В конце 1980-х гг. открылись «шлюзы», и многие будущие флагманы российской политики и науки, направленные стажироваться на Запад, оказались в обойме пропагандистской обработки. Изменилась ли принципиально ситуация сегодня? Статистика показывает, что зарубежные стажировки финансируются преимущественно из зарубежных же источников. Интересантом стажирования представителей нынешних и будущих элит России за рубежом выступает Запад. Ответ на вопрос, зачем ему это нужно, очевиден (рис. 24)⁴⁹.

⁴⁸ Арефьев А. Я., Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки: социологический анализ. М.: Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 27–28; Основные показатели научно-исследовательской деятельности вузов и научных организаций Минобрнауки России. М., 2002. С. 81; Индикаторы науки: 2011: статистический сборник. М., 2011.

⁴⁹ Арефьев А. Л., Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки: Социологический анализ. М.: Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 21; Индикаторы науки: 2011: стат. сб... М., 2011.

Рис. 24. Источники финансирования зарубежных стажировок по направлению «Наука и образование» (в %)

Характерно распределение по регионам мира доли российских стажёров, поддерживающих отношения с центрами стажировки после её завершения. Определённо лидирует в этом отношении США, несмотря на те объективные трудности, которые связаны с удалённостью Соединенных Штатов от России в сравнении со странами Европы. Значит, американские центры стажирования представителей российской элиты проявляют большую заинтересованность в сохранении соответствующих коммуникаций (рис. 25)⁵⁰.

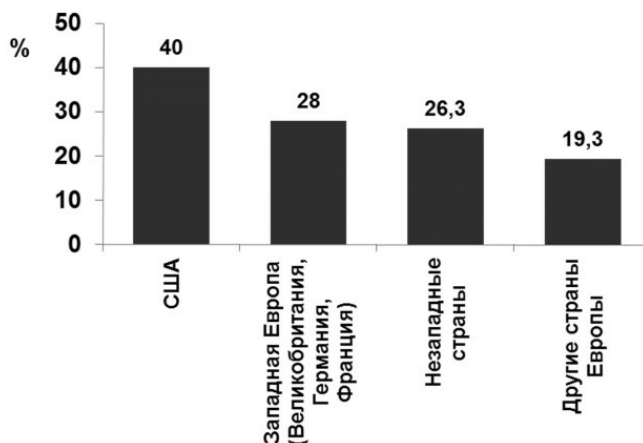

Рис. 25. Поддержание стажёрами активной связи с иностранными вузами, где они проходили стажировку (в %)

Россия сегодня оказывается в значительной степени заложницей ряда квазинаучных концептов. Восприятие их на уровне окормляющих власть экспертных группировок заводит государство в «стратегические ловушки», ведёт к снижению суверенности. Отсюда актуальность создания системы информационного противодействия «когнитивному оружию». Это противодействие напрямую соотносится с возрождением национально-ориентированной российской науки.

⁵⁰ Арефьев А. Я, Дмитриев Н. М. Зарубежные научно-учебные стажировки: социологический анализ. М.: Центр социального прогнозирования. М., 2003. С. 51; Индикаторы науки: 2011: стат. сб. М., 2011.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.